

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
КЫРГЫЗСКО-РОССИЙСКИЙ СЛАВЯНСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ГУМАНИТАРНЫЙ ФАКУЛЬТЕТ

Кафедра истории и культурологии

**Дом на «Дзержинке», или
Общага для профессоров: было и такое**

Документально-исторический очерк

Бишкек 2019

УДК 908:82-43

ББК 26.891

К 89

Рецензенты:

А. Баршай, журналист, заслуженный деятель культуры КР,
Н.В. Кумскова, канд. филос. наук, доцент КРСУ

Фотографии краеведа *В. Петрова* и *В. Сухомлинова*
и из сайта www.diesel.kg

Рекомендовано к изданию НТС КРСУ

Кузнецов А.Г.

К 89 Дом на «Дзержинке», или Общага для профессоров: было и такое:
Документально-исторический очерк. – Бишкек: Изд-во КРСУ,
2019. – 116 с.

ISBN 978-9967-19-706-0

Очерк посвящен историческому зданию, которое находится в самом центре киргизской столицы – на бульваре Эркиндик. Здесь более полувека назад располагалось университетское общежитие, а его жильцами были семьи преподавателей и ученых, составлявших тогда цвет молодой киргизской интеллигенции. Об их жизни, проходившей на фоне памятных, порой драматичных, событий тех нелегких послевоенных лет, об атмосфере, царившей в этом своеобразном «ноевом ковчеге», о радостях и печалях его обитателей и рассказывается в очерке заслуженного деятеля культуры Кыргызской Республики, профессора Кыргызско-Российского Славянского университета Андрея Георгиевича Кузнецова, детство, отрочество и часть юности которого тоже прошли в этом доме.

К 1805080000-19

УДК 908:82-43

ББК 26.891

ISBN 978-9967-19-706-0

© ГОУВПО КРСУ, 2019

ОТ РЕЦЕНЗЕНТА

С большим интересом и даже волнением прочитал я документально-исторический очерк (так я бы определил жанр этой книги) Андрея Кузнецова «Дом на Дзержинке». Волнение мое можно отнести за счет того, что и сам я много лет (с 1944-го по 1968-й, практически в те же годы, что и автор) прожил на бульваре Дзержинского (ныне бульвар Эркиндик), почти в соседнем здании, которое все знали, как «Нан-хлеб» – по названию магазина, находившегося на первом этаже этого дома. Очень многое в очерке А. Кузнецова мне хорошо знакомо и памятно, многих людей, о которых он рассказывает, я знал и помню. Это, конечно, удваивает интерес к воспоминаниям Андрея Георгиевича.

Но даже если бы я не жил на одной улице с автором, и даже если жил в другое время, уверен, что его рассказ все равно вызвал бы во мне живой интерес и сочувствие. Ведь на примере своего родного дома – «общаги для профессоров» – А. Кузнецов убедительно и в живых подробностях рассказывает о времени, о целом пласте истории – и города Фрунзе, и Киргизского университета, и даже самой республики. Как и чем жили люди в то – послевоенное – время, в каких условиях, о чем думали, о чем мечтали, что любили, чем увлекались – все это можно узнать из рассказа автора, обладающего цепкой памятью, наблюдательностью, неподдельным интересом к человеку и его неповторимой судьбе.

А многие люди, с которым сталкивала А. Кузнецова жизнь в столице Киргизии, ныне являются гордостью науки и культуры, высшей школы и здравоохранения страны. Первый ректор Политехнического института профессор Георгий Акимович Сухомлинов, академики Иса Ахунбаев, Константин Юдахин, Игорь Батманов, Джумагул Алышбаев, Азис Салиев и Азиз Нарынбаев, профессор медицины Максим Фридман и его сын известный астрофизик Алексей Фридман, народные артисты СССР Махмуд Эсамбаев и Булат Минжилкиев. Рассказывает книга и о многих людях, не имевших званий и титулов, но необыкновенно интересных, талантливых, самобытных. Это и музыкальный редактор Киргизского радио Александр Юрьевич Кологривов, и солист ба-

лета Евгений Воеводкин, и заведующий музыкальной кафедрой Киргизского женского педагогического института Александр Хорват, и востоковед, этнограф, библиограф Залман Амитин-Шапиро и много других людей разных национальностей, профессий, темпераментов и, конечно, разных – порою трагических – судеб. Хочу еще заметить, что в очерке есть немало ярких, по-настоящему интересных мест, таких как история Владимира Хмелевского, рассказ о Борисе Грабовском, о Дмитрие Шипилове и многие другие эпизоды.

Одним словом, книга профессора Кузнецова, на мой взгляд, представляет немалое общественное и документально-историческое значение и будет интересна широкому кругу читателей.

Александр Баршай,
журналист,
заслуженный деятель культуры
Кыргызской Республики

Глава первая. ОБЩЕЖИТИЕ

С видом на бульвар. Но общий туалет – во дворе

Сейчас этот трехэтажный дом ничем не выделяется среди прочих домов старой постройки, находящихся на бульваре Эркиндик, бывшей «Дзержинки». Более того, давно не отремонтированный, с обвалившейся штукатуркой, он выглядит серо и безлико. А ведь когда-то это капитальное здание, в котором сейчас располагается один из корпусов Киргизского государственного университета им. Ишеналы Арабаева, выглядело вполне респектабельно: его два парадных входа, украшенные скульптурами студента и студентки, выходили на бульвар. Здесь всегда было оживленно: массивные входные двери дома только успевали открываться и закрываться, а из его больших окон можно было услышать то звуки включенного радио, то музыку, то детские голоса – большой дом жил своей жизнью.

В те далекие послевоенные годы Фрунзе был еще небольшим тихим городком с неторопливым, размеренным ритмом жизни. Согласно переписи населения 1959 года, в нем проживало всего 192 тысячи людей. Весь город буквально утопал в зелени. Машин было немного, и только что пущенный троллейбус дополнялся истинно восточным видом транспорта – повозками с впряженными в них неказистыми на вид осликами или лошадьми. В час прибытия московского поезда на привокзальной площади выстраивалась целая кавалькада таких повозок.

Дом находился в прекрасном месте, на улице Дзержинского – самой широкой и красивой улице города, в двух кварталах от кинотеатра «Ала-Тоо». В сущности, это был настоящий бульвар с множеством различных деревьев и кустарников. Выделялись своими громадными размерами полувековые дубы, тополя, карагачи. Правда, в те годы бульвар выглядел совсем по-иному – не было мощеных плиткой аллей и неоновой подсветки, зато деревья и кусты росли столь густо и обильно, что образовывали сплошной зеленый массив, где в знойный летний день было

всегда свежо и прохладно. Вдоль бульвара протекал широкий с крутыми, высокими берегами арык. Зимой здесь ребяташки катались на санках, а летом устраивали запруды и с наслаждением купались в холодной арычной воде. Раз в день по Дзержинской проезжала поливочная машина. Завидев ее, дети с радостным криком «Поливашка!» кидались ей наперерез и, окатываемые с ног до головы мощными струями воды, бежали до следующего перекрестка.

И еще одна достопримечательность бульвара: по обеим его сторонам, обращенным к проезжей части дорог, протянулись стройные ряды невысоких карагачей, кроны которых были выстрижены в форме шаров. Здесь же были установлены столбы линий электрического освещения, на каждом из которых висело два сферических светильника. Всё это выглядело очень красиво, особенно в ясный день, на фоне панорамы заснеженных гор или ночью, когда фонари были зажжены.

В непосредственной близости от общежития находилось немало достойных внимания мест. Самым примечательным из них было, конечно, здание, находившееся на противоположной стороне бульвара, своим южным крылом выходившее на улицу Токтогула, – в нем располагался универмаг «Люкс» и концертный зал филармонии. Хотя универмаг и был одноэтажным, в нем помещалась масса самых разных отделов. Большая часть вещей, приобретенных нашей семьей, в том числе и пианино «Красный Октябрь», были куплены именно здесь. Пользовались услугами этого магазина и жильцы нашего дома, да и всего города.

По соседству с филармоническим залом, занимавшим всё северное крыло здания, располагался ресторан «Фонтан». Ресторан был летним, и, наряду с общим залом, в нем имелись многочисленные «кабинеты». Все это размещалось по периметру внутреннего дворика, в конце которого возвышалась крытая эстрада для музыкантов, а в середине был небольшой фонтан – он то и дал название «точке Общепита». В начале 50-х годов ресторан работал до трех часов ночи, и в летнее время, когда из-за жары все спали с открытыми окнами, ресторанный музыка и пение были прекрасно слышны в нашем доме. Можно было даже разобрать слова

песен. Так что детям приходилось засыпать не под звуки колыбельной песни, а под разухабистую «У самовара я и моя Маша» и прочих «хитов» ресторанного репертуара. Позже в Москве вышел указ, запрещавший злачным заведениям работать после полуночи, а музыканты должны были прекращать свою игру еще раньше – в одиннадцать часов. Спать стало спокойнее.

Наше здание было построено в 1937 году, и предназначалось оно для общежития пединститута: почти все помещения занимали семьи профессорско-преподавательского состава, а немногочисленные студенты жили на первом этаже. Но грянула война, и всем пришлось потесниться: город наполнили эвакуированные из центра люди и так называемые «спецпереселенцы». В общем, большой дом вскоре стал напоминать пресловутое общежитие имени монаха Бертольда Шварца из сатирического романа Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». И еще одна литературная ассоциация невольно всплывает в памяти – песня Владимира Высоцкого, слова которой очень подходят к нашему случаю: «Все жили вровень, скромно так: система коридорная. На тридцать восемь комнаток всего одна уборная». Правда, комнат было больше, а вот уборная действительно была одна, зато «многоместная» – на пять персон в мужской части и столько же в женской, и находилась она во дворе. Естественно, в зимнее время уборная не отапливалась.

Наш дом заметно выделялся на фоне его окружения, особенно с северной стороны, где стояли неказистые глинобитные мазанки, в которых ютились многодетные семьи рабочих или павших на войне защитников родины. Жили они впроголодь, с трудом влача свое существование. Дети в таких семьях были отчаянными сорванцами, они ничего не боялись и умели постоять за себя. Вечно голодные, эти ребята всюду рыскали – чем бы поживиться. Они лазали в сады и огороды, приворовывали на базарах, обчищали карманы напившихся забулдыг. А когда осенью по городу проходили машины, груженные сахарной свеклой, они бесстрашно кидались вдогонку за ними с металлическими крючьями в руках, которыми ловко подцепляли корнеплоды. Придя домой, варили их до готовности, а затем с аппетитом поедали.

Да, время было голодное, поэтому неудивительно, что кое-кто из детей, живших в нашем доме, особенно из бедных семей, иногда приворовывал. Нет, в квартиры они не лазали, а вот на склад институтской столовой, где хранились разные вкусные вещи, залезть могли вполне. Делалось это, естественно, поздно вечером или ночью. Забраться же на склад, находившийся в полуподвальном помещении общежития, было совсем нетрудно – нужно было лишь подобрать ключ к простому висячему замку. Чем же могли поживиться несовершеннолетние воришки на складе? Прежде всего, всем сладким, например, сгущенкой, повидлом, печеньем, на худой конец – консервированным компотом. Иногда попадался сыр, можно сказать, деликатес, а вот конфет на складе никогда не было. Какова же была радость мальчишек, когда они обнаружили там целый ящик с ирисками «Кис-кис». Не знаю, как им это удалось, но они утащили его целиком, а весу в ящике было не менее 7–8 килограммов. Спрятали его в укромном месте на чердаке. Вначале воришки лакомились ирисками сами, а затем стали угощать друзей. Вскоре уже чуть ли не весь двор знал о заветном месте на чердаке. Разумеется, ирискам скоро пришел конец.

Дом был заселен до отказа: люди жили повсюду, главное, чтобы была крыша над головой – в подсобных помещениях, в подвале, в концах коридоров. Мой друг Юра Гольцев, сын секретаря-машинистки, жил именно в таком коридорном тупичке. В нем могла поместиться лишь кровать, на которой спали мать с отцом, и небольшой стол. За столом Юра делал уроки, а под ним спал по ночам. Стол служил также для приготовления пищи, за ним же и обедали. Рядом с входной дверью была оборудована вешалка для одежды, и стояло ведро с водой. Единственное, что украшало помещение, это большое светлое окно с тюлевыми занавесками. Только во второй половине 50-х годов жильцов общежития стали постепенно расселять по квартирам. В 1962 году получила долгожданную квартиру и семья юриных родителей. Сам он уже учился в одном из престижных московских вузов. И поступил туда, полагаясь только на свои знания и силы.

Очереди за хлебом и казенные стулья

Время было трудное. Совсем недавно закончилась одна из самых кровопролитных войн в истории человечества. Конечно, в среднеазиатских республиках жилось немного легче, чем в других частях страны, но последствия войны давали о себе знать и здесь. Я хорошо помню, чуть ли не стометровые очереди за хлебом в магазин «Нан». Или очереди за костюми, которые продавались в ларьке около мясокомбината – чтобы купить их, нужно было за несколько часов до рассвета занять очередь, а потом еще прийти отмечаться. Всегда нужно было быть начеку и остерегаться воров и грабителей. У нас, прямо из квартиры, днем украли золотые часики мамы, а у отца в книжном магазине вытащили из кармана крупную сумму денег – он только что получил зарплату.

Люди, строго по Высоцкому, жили скромно, на всем экономии – поездка на такси считалась непозволительной роскошью, не говоря уже о посещении ресторанов. На базар ходили пешком. Кстати, там можно было купить тот же хлеб и без очереди, но ровно в два раза дороже. У спекулянтов, разумеется. Так называли тех отчаянных людей, которые, чтобы как-то прокормить семью, всем скопом, включая детей и стариков, выстаивались в очередь за хлебом, а потом продавали его на рынке. Когда мы приехали во Фрунзе, в магазинах свободно можно было купить черную и красную икру, консервы с крабами и другие деликатесы, причем, сравнительно, недорого. Но их мало кто покупал – это были предметы роскоши. Помню, в магазине «Серая бакалея» из консервов с крабами «Chatka» выстаивали целые пирамиды.

Самым близким к нашему дому магазином был хлебный – его все называли по-киргизски: «Нан». В нем было два отдела – собственно, хлебный и кондитерский, в котором до 1953–1954 годов продавались конфеты и прочие сладости производства московских фабрик – «Красный Октябрь», «Рот-фронт», «Имени Бабаева». Шоколад и конфеты были отменного качества – «Мишка косолапый», «Мишка на Севере», «Кара-Кум», «А ну-ка отними», «Маска», «Ласточка» и многие другие. Столь же разнообразным был и ассортимент других кондитерских изделий – печенья,

пряников, халвы, козинаков. Но всему этому великолепию скоро пришел конец: производство конфет освоили местные предприятия, и лучше бы они этого не делали – их продукцию просто нельзя было есть. Помню, надкусив какую-то местную шоколадную конфетку, я обнаружил внутри твердую безвкусную массу, основным компонентом которой была плохо перемешанная мука.

Но все же какое-то время мы, дети из «общаги», конечно, в зависимости от финансовых возможностей родителей, могли лакомиться хорошими конфетами. В связи с этим, вспоминается одна забавная история. Это случилось в начале зимы. Ночью выпал снег, покрывший всё вокруг своим белым пушистым одеялом. Меня за чем-то послали в магазин, скорее всего за хлебом и, выполнив поручение, я, не спеша возвращался домой. Первый фантик от конфеты я заметил на снегу буквально в нескольких шагах от магазина. Вскоре появился второй, а затем и третий. Стало ясно, что кто-то недавно прошел по аллее, поедая на ходу одну конфету за другой. Когда же на снегу мелькнул четвертый фантик, я решил поиграть в следопыта, и выяснить, кто же этот сладкоежка. Пятый фантик лежал у парадного входа в наш дом. Значит это кто-то из соседей, – подумал я, и стал подниматься по лестнице, на которой вскоре появилась еще одна конфетная обертка. Наконец, последнюю бумажку я обнаружил лежащей на полу неподалеку от квартиры Сухомлиновых. Сомнений не было: любителем конфет был мой друг Витька – он мог себе это позволить. Однако большинство детей имели возможность лишь любоваться конфетами, горками, разложенными по вазам на витринах магазина.

Одевались тогда тоже скромно. У моего отца было, к примеру, всего два костюма – один повседневный, уже поношенный, и один выходной. Также, за редким исключением, одевались и другие преподаватели, и члены их семей. Еще неприглядней выглядели дети, особенно, мальчики, бегавшие во дворе до шестого класса босиком и в трусах. В школу, естественно надевались какие-то брючки, курточки, рубашки. Первым из детей, кто пришел в школу в наш класс хорошо одетым, был Алик Фридман, сын приехавшего из Москвы профессора-хирурга. По сравнению

с ним, все остальные ученики выглядели довольно серо. Пределом мечтаний семиклассника того времени была «вельветка» – куртка из синего вельвета с кокеткой и кармашками на молниях. Купить ее можно было только на толчке.

И все же жить в Киргизии было гораздо легче, чем на тех территориях Советского Союза, где прошла война. Трудно было жить в Одессе, в Новозыбкове, где основным продуктом питания была картошка. Вот и тянулись люди туда, где лучше. Их примеру последовали и мои родители, решив поискать счастье в теплом и солнечном Киргизстане.

Мой отец, профессор математики Георгий Порфирьевич Кузнецов (1880–1957), приехал в Киргизию в декабре 1949 года по приглашению ректората педагогического института, преобразованного в 1951 году в университет, а мы с мамой прибыли туда двумя месяцами позже. Помню радостную встречу с отцом, которая состоялась в канун праздника – Дня Советской Армии. Для меня она стала радостной вдвойне, потому что я получил в подарок двухколесный велосипед. Мне в ту пору было девять лет.

Нашей семье была выделена комната площадью в 22 квадратных метра на третьем этаже общежития. Два больших окна выходили прямо на бульвар. В любое время года вид из окон был чудесен. Это было, пожалуй, единственное достоинство нашей, так сказать, «квартиры». Удобств, конечно, не было никаких. Мебели тоже было мало – две кровати, стол, стулья, да и те казенные, взятые напрокат у коменданта.

Несмотря на спартанские условия, отец выглядел хорошо, возможно, сказалась перемена климата, к тому же его увлекла работа. – он воспрянул духом, днем читал лекции, по вечерам работал над докторской диссертацией. Через несколько дней после нашего приезда родители отметили новоселье: по сему случаю был накрыт стол, куплено вино, приглашены жившие по соседству семьи коллег отца по институту – Быковы, Сухомлиновы, Фриевы. Мы стали постепенно обустраиваться. С каждой зарплаты отца что-нибудь покупалось в дом – письменный стол, шифоньер, буфет, шторы, абажур и т. д. Комната стала приобретать жилой вид. Наконец, пришла отправленная по железной дороге

библиотека отца – главное наше богатство, а с первых отпускных было приобретено пианино марки «Красный Октябрь».

Вскоре меня стали учить музыке. Был приглашен учитель – Владимир Михайлович Ванькин (1897–1982). Выпускник училища им. Гнесиных, он до войны вместе с семьей жил и работал в Курске, а когда началась война и фашистские войска подступили к городу вплотную, с последним эшелонам прибыл во Фрунзе. Здесь он попытался устроиться на работу по специальности, но безуспешно – вакантных мест в городских учреждениях культуры не было. Единственное, что ему могли предложить, так это ставку аккордеониста в республиканской филармонии, но аккордеоном в ту пору Владимир Михайлович, к сожалению, не владел. Чтобы как-то прокормить семью, пришлось пойти на завод чернорабочим. Труд был тяжелым и изнурительным – в течение многочасовой рабочей смены приходилось перевозить на тачке уголь. Вскоре музыкант почувствовал, что дальнейшая работа его просто погубит. Нужно было что-то срочно предпринимать. Поразмыслив, Ванькин решил всё же приобрести аккордеон. Собрав все имеющиеся в семье деньги, он пошел на толчок и купил там трофейный аккордеон «Хохнер». Еще какое-то время ушло на освоение инструмента. Это было нетрудно, ведь правая клавиатура у аккордеона почти такая же, как и у фортепиано. Наконец, наступил радостный день – музыканта приняли на работу в филармонию.

В течение нескольких лет Ванькин трудился в этой организации. Вместе с небольшой группой артистов он объехал почти всю Киргизию. Нередко приходилось выступать в отдаленных селеньях. Добирались туда на лошадях по крутым горным тропам, где один неверный шаг и можно было сорваться в пропасть. Но выхода не было – там жили люди, и приезд артистов был для них настоящим праздником.

В послевоенные годы Владимир Михайлович стал руководить художественной самодеятельностью педагогического института, позже занялся частной практикой, и одним из его учеников стал я. Занятия продвигались успешно. Я быстро выучил ноты, приобрел элементарные навыки игры на фортепиано, но

дальше этого дело, к сожалению, не пошло: терпения ежедневно сидеть за инструментом у меня явно не хватало. Но уроки педагога не прошли даром, и настало время, когда я о них вспомнил.

Занимаясь с Владимиром Михайловичем, я подружился с его сыном Володей, бывшем на несколько лет младше меня. Мы часто заходили друг к другу в гости, играли в настольные игры, а как-то весной я был приглашен к Володе на день рождения. Праздник прошел весело, было много детей, но, когда настала пора уходить домой, обнаружилось, что куда-то задевалась одна из моих галош – ее искали всем домом, но так и не нашли (на следующий день Володины родители купили мне новые галоши). Через некоторое время наши пути надолго разошлись, а затем, уже взрослыми, мы как-то встретились, и наша дружба возобновилась. Продолжается она и сейчас. И вот однажды, почти пятьдесят лет спустя после того дня рождения, я узнал завершение злополучной истории с галошей. Оказывается, ее нашли с наступлением зимы, когда понадобилось затопить печку. Заглянули в топку – а калоша там и лежит: какой-то озорник из числа приглашенных детей решил подшутить надо мной.

Позже в нашей комнате поставили фанерную перегородку с дверцей; таким образом, у отца появился отдельный кабинет, где он мог спокойно заниматься своими делами – работать с соискателями, читать, писать, отдыхать. Примерно в то же время у нас в квартире появился телефон. Тогда телефонов в городе было совсем немного, и отец долго хлопотал о его установке. Теперь к нам часто стали заходить соседи, мои друзья, в общем, аппарат оказался востребованным, а отцу он был просто необходим, например, чтобы вызвать врача; к ним он стал обращаться все чаще.

Руководство факультета пошло отцу навстречу – теперь он меньше времени проводил в университете, а больше работал с соискателями. Чаще других у нас бывал Ахмед Абдулаевич Хаиров. Бывший фронтовик, умевший, кстати, играть на скрипке, он писал диссертацию, как-то связанную с идеями известного итальянского математика Туллио Леви-Чивита, монография которого имелась в библиотеке отца. Помню, как мой родитель за-

читывал ему целые страницы из книги, бегло переводя их с итальянского на русский. Впоследствии А. Хаиров успешно защитил кандидатскую диссертацию, получил звание доцента.

Другим соискателем у отца был тоже уже не молодой преподаватель математики, впоследствии декан физико-математического факультета университета Джапар Юсупович Юсупов. Немногословный, сдержанный и предупредительный, он усердно работал над диссертацией, внимательно прислушиваясь к словам своего научного руководителя. Однажды он пригласил отца, а вместе с ним и меня, к себе в гости. Семья у Джапара Юсуповича была большая: жена, по национальности русская, и четверо детей – двое сыновей и две дочери. Все они жили в новом, просторном, недавно построенном доме, где царил мир и согласие. Хранительницей семейного очага, чувствовалось, была супруга математика – добросердечная, приветливая женщина лет сорока.

По сравнению с нашим скромным общежитским житьем-бытием, в этом доме ощущались достаток и благополучие. Для нас был накрыт стол, поданы различные угощения, а затем чай со сладостями. После застолья дети увели меня в другую комнату и там мы познакомились поближе. Девочки, почти мои ровесницы, Сусанна и Виолетта, показали мне свои книги и небольшую коллекцию старинных монет. Но больше всего я общался с их младшим братом – Валерой. С ним мы встречались и позже. А с Виолеттой я встретился много лет спустя в музыкальном училище имени Мураталы Куренкеева, где она занималась по классу фортепиано, а я осваивал основы истории музыки и прочих музыкально-теоретических дисциплин.

Ноев ковчег лихих 50-х

Также примерно жили и другие жильцы дома. Всего же в общежитии можно было насчитать около семидесяти комнат, приспособленных под квартиры. В них жили семьи преподавателей и сотрудников пединститута. Это были люди разных национальностей – киргизы, казахи, узбеки, татары, русские, украинцы, евреи, немцы. Были среди них и представители народов Северно-

го Кавказа – карачаевцы, осетины. Насильно депортированных с родных мест, их называли спецпереселенцами. Да кого тут только не было! Математик Яков Васильевич Быков был чувашем, а филолог Аулис Якубович Арет по документам считался эстонцем, а на самом деле был прибалтийским немцем.

Арет (1907–1974) жил на третьем этаже южного крыла общежития, занимая две смежные комнаты в конце коридора, с окнами, выходящими во двор. Он приехал в Киргизию в начале 50-х годов, скорее всего, не по своей воле. Аулис Якубович был весьма колоритной личностью, особенно, когда он надевал охотничий наряд, самым ярким атрибутом которого была короткополая шляпа с пером, и с ружьем за плечом отправлялся на охоту. В Таллине у него оставалась семья, с которой он, по-видимому, расстался, так как через некоторое время Арет женился и переехал в дом к своей новой супруге. Позже ученый успешно защитил докторскую диссертацию, стал профессором. По отзывам коллег, он был большим специалистом в области педагогики.

Арет жил вместе с матерью – невысокой сухопарой старушкой, говорившей по-русски с сильным акцентом. Доброжелательная, тактичная, она целыми днями хлопотала по хозяйству, ухаживая за своим немолодым уже сыном. Когда она стала жить одна, иногда обращалась ко мне с различными просьбами, чаще всего, сходить в магазин или в аптеку, чем-то помочь по дому, например, сменить электрическую лампочку. За эти услуги меня всегда ждало вознаграждение, обычно, сладости: старушка отлично пекла. Позже я с подростковой щепетильностью стал отказываться от угощений. Тогда добрая соседка стала заниматься со мной на фортепиано, которое я к тому времени почти забросил. Оказывается, в молодости она училась музыке, знала иностранные языки и, вообще, была образованной, интеллигентной женщиной. Под ее руководством я освоил несколько полифонических пьес Баха, кое-что из «Альбома для юношества» Шумана. К сожалению, занимались мы недолго, но в любом случае, общение с этой замечательной женщиной, ее уроки, уроки душевной чуткости и доброты, были для меня, подростка, весьма полезны.

Летом 1954 года к Арету приехал его сын Вальдур. Это был светловолосый паренек с умным лицом и спортивной осанкой. В его облике явно просматривались европейские черты. Мы как-то быстро подружились. Оказалось, что мы – ровесники и даже родились в один месяц с разницей в несколько дней, кроме того, оба перешли в восьмой класс. Нам было о чем поговорить. Вальдур оказался дружелюбным и очень любознательным мальчиком. Он много рассказывал о Таллине, об Эстонии, о своих увлечениях и даже научил меня нескольким эстонским словам, которые я могу повторить и сейчас. Иногда мы катались на велосипедах, играли в какие-то игры, обсуждали прочитанные книги.

Мы не общались более пятидесяти лет. И вот в 2010 году я разыскал Вальдура в Интернете и узнал его судьбу. Он стал крупным ученым в области механики, в течение многих лет возглавлял Кемеровский технологический институт, стал доктором наук, профессором, автором многих научных трудов и изобретений, а его дочь Анна к тому времени тоже успешно защитила докторскую диссертацию по астрофизике. Семейная традиция получила продолжение.

Рядом с Аретами жила семья Сухомлиновых. Ее глава – Георгий Акимович Сухомлинов (1906–1975), впоследствии первый ректор образованного в 1954 году Политехнического института, был выпускником знаменитого МГУ. Два года спустя, в 1937 году, успешно защитив кандидатскую диссертацию по математике, он приехал во Фрунзе, и начал свою педагогическую деятельность, читая лекции в пединституте. Георгий Акимович был не только хорошим педагогом и вдумчивым ученым, но и прекрасным организатором, вложившим в порученное ему дело все свои силы и энергию. Благодаря ему, наш Политехнический институт вскоре стал одним из лучших технических вузов страны. Бывший фронтовик, окончивший войну в звании майора, он пользовался большим почетом и уважением у коллег и студентов. Кстати, большинство проживавших в нашем доме мужчин доблестно сражались на фронтах войны, имели ранения и боевые награды. В их числе А. Салиев, А. Нарынбаев, У. Абдукаимов, Б. Джамгырчинов, Я. Богуславский, Я. Быков и многие другие. Для меня же

Георгий Акимович был просто отцом моего друга Вити – в меру строгим, вежливым и справедливым.

Я часто бывал в квартире Сухомлиновых. Кроме маленькой прихожей, в ней было три комнаты – гостиная, комната Вити и спальня родителей. В квартире было много книг. Своя библиотечка имелась и у моего друга; в ней были разные книги, в том числе и приключенческие. Среди них выделялась красочно оформленная серия «Золотая рамка» – в те времена мечта любого мальчишки и, естественно, большой дефицит. Мне Витя разрешал пользоваться его библиотекой. Вообще, Виктор был хорошо образованным и всесторонне развитым мальчиком. Родители уделяли большое внимание воспитанию сына. Кроме школы, он занимался и с частными учителями, которые обучали его игре на фортепиано, немецкому языку (английский он учил в школе) и рисованию. Кроме того, он увлекался фотографией, занимался в баскетбольной секции. Удивительно, но еще в детстве Витя любил классическую музыку, особенно оперную, и эту любовь он пронес через всю свою жизнь. Он любил ходить в оперный театр и на концерты в филармонию, коллекционировал пластинки с записями классической музыки, много читал.

Сухомлинов и Быков считались лучшими математиками института. Такого же мнения придерживался и мой отец. Особенно он выделял Быкова (1913–1988). В 1950 году – а именно в этот год мы приехали во Фрунзе – Якову Васильевичу было всего 37 лет, но он уже считался признанным ученым-математиком, успешно трудившимся над докторской диссертацией (он защитил ее в 1960 году, а позже был избран членом-корреспондентом Академии наук республики). Ученый был несколько полноват и, по-видимому, для того чтобы сбросить лишний вес, ездил на работу на велосипеде. С не меньшим успехом сиё транспортное средство использовалось им и для поездок на рыбалку – Яков Васильевич был большим любителем рыбной ловли. Быковы, впрочем, как и Сухомлиновы, и еще некоторые другие из именитых жильцов дома, занимали комнаты в конце коридоров, а перегородженный тупичок служил им вместо прихожей. Таким образом, получалось некое подобие отдельной квартиры, правда, без удобств.

Имелись в общежитии и кухни общего пользования, в которые был подведен водопровод. Однако находились они только в южном и северном крылах здания, построенного в форме буквы «п», поэтому пользовались ими только живущие рядом жильцы. Готовили пищу на примусах, реже на электроплитках. Электросчетчики тогда еще не были установлены, поэтому плата за пользование плиткой была довольно высокой, и по этой причине их имели лишь немногие из жильцов. Чтобы примусы не шумели и не коптели, их выносили в коридор и ставили на табуретки. Потом появились керосинки и керогазы. Питьевую воду люди хранили в ведрах, а умывальники устраивали в углу комнаты за занавеской. Белье тоже стирали у себя дома, а потом развешивали во дворе для просушки. Однако за бельем нужно было присматривать – его могли стащить, что иногда и случалось. Позже, когда при городской бане открыли прачечную, мы стали сдавать белье в стирку. Помню, как мама целый день вышивала на нем наши инициалы – иначе бы его в стирку не взяли.

Конечно, чистота – залог здоровья, но как бы чисто в доме не было, насекомых это не останавливало, особенно мух, клопов и тараканов. Их в ту пору было больше, чем надо. Да и как им не быть, если в каждом дворе имелась открытая яма для пищевых отходов. С насекомыми боролись всеми возможными средствами – их давили, травили, выжигали, устанавливали всякие хитроумные приспособления. На какое-то время они исчезали, но затем появлялись снова. Чуть меньше хлопот доставляли мыши – как обычные, домовые, так и летучие. В борьбу с грызунами включались и кошки, и в тех квартирах, где эти животные были, присутствие мышей почти не ощущалось. У нас тоже была кошка, но, когда ее не стало, мыши тут же дали о себе знать. Запомнился один случай. Мне в ту пору было 17–18 лет. Я вошел в комнату и увидел пробегающую по полу мышь. Возмущенный такой дерзостью, я схватил тяжелый нотный сборник, я запустил им в незваную гостью, но промахнулся. С оглушительным грохотом сборник хлопнулся о пол. Но что такое? – Рядом с ним на полу неподвижно лежала мышь. Нагнувшись, я увидел симпатичного мышонка. Он лежал на спинке, задрал вверх лапки. Мне

стало жалко его – ведь это был детеныш, и умер он, бедняжка, от разрыва сердца, испугавшись громкого хлопка. Где-то я читал, что такое бывает.

Ну, а летучих мышей в нашем дворе, да и, вообще, в городе, было превеликое множество. Помню, как по вечерам они кругами летали вокруг столба с электрической лампочкой, стоявшего посреди нашего двора рядом с водопроводной колонкой. Залетали мыши и в наши комнаты – достаточно было лишь оставить окно открытым. Ну, а жарким летом такое случалось нередко. Как-то вечером я вернулся из кино, включил свет и ...о, Боже! – под самым потолком, а то и ниже, чуть ли не у моего лица, стремительно кружила целая стая мышей. Распахнув окна пошире, я схватил полотенце и стал энергично размахивать им в воздухе, стараясь выгнать непрошенных гостей из комнаты. Нескольких мышей я сбил, а остальные улетели. А затем я искал этих мышей, чтобы выбросить. Сбитых мышей обязательно нужно найти и выбросить, иначе через некоторое время они начнут разлагаться и в квартире появится очень нехороший запах. Подобные истории с летучими мышами случались не один раз. В 80–90-х годах эти животные в городе исчезли. По-видимому, сказалось ухудшение экологической ситуации. Исчезли и вороны, которые огромными стаями прилетали в город на зимовку. Днем они промышляли на полях и свалках, а на ночь возвращались в город – все деревья бульвара были буквально усыпаны ими, а их громкое карканье было слышно даже через плотно закрытые окна.

Никаких бытовых электроприборов, кроме плиток и чайников, тогда еще не было. Первый холодильник в нашем доме появился только в конце 50-х годов; его приобрела семья Сухомлиновых. По этой причине скоропортящиеся продукты покупались всегда в ограниченном количестве. Сливочное масло, чтобы не испортилось, хранили в банке с холодной водой, а молоко, которое ежедневно доставляла молочница из села Чон-Арык, кипятилось. В холодное время года продукты выставлялись за окно. Домашнее консервирование в ту пору еще не практиковалось – промышленность еще не выпускала крышки и приспособления для их закручивания. Зато почти все заготавливали впрок варенье – клубничное, малиновое, вишневое, черносмородиновое...

Отсутствие холодильников создавало немалые хлопоты не только обычным гражданам, но и организациям. Так, в ресторанах прохладительные напитки хранились в ваннах со льдом, а на продуктовых – на базе – в больших ямах, тоже со льдом, покрытым сверху толстым слоем соломы.

Телевизоров в нашем доме в ту пору еще не было, зато в каждой квартире имелось радио, которое во многих квартирах работало без перебоя с раннего утра и до позднего вечера. У некоторых жильцов, в том числе и у нас, были патефон и пластинки. Позже появились радиоприемники, проигрыватели и магнитофоны. Основным же развлечением для большинства семей было посещение театров и кинозалов. Молодые люди ходили еще в парк на танцы, а зимой – на каток, который заливали на поле городского стадиона.

С каждым годом жить становилась легче, и люди могли уже позволить себе то, о чем раньше только мечтали. Мужчины и женщины стали лучше одеваться, особенно после Всемирного фестиваля молодежи и студентов, состоявшегося летом 1957 года в Москве. В магазинах все чаще стала появляться одежда и обувь производства стран народной демократии – ГДР, Чехословакии, Польши, Болгарии. Обустраивался и быт, обновлялась мебель. Первый мебельный гарнитур рижского производства приобрела семья Фриевых. Когда его стали распаковывать, масса людей собралась во дворе, чтобы посмотреть на эту диковинку. Примерно тогда же в нашем доме появился и первый автомобиль личного пользования – «Москвич». Его счастливым обладателем стал наш уважаемый комендант Кирилл Семенович.

Хрущевская «оттепель» затронула и книгопечатание – в магазинах появились книги, публикация которых еще год назад была просто немыслима, например, «Один день Ивана Денисовича» А. Солженицына (он был напечатан в журнале «Новый мир»). Стали печататься и ранее запрещенные книги. Однажды я встретил во дворе Эльчика Фриева, державшего в руке какую-то книгу. «Вот что надо читать, ребята», – сказал он, не в силах сдерживать распиравших его эмоций, и потряс книгой в воздухе. Это был только что изданный роман Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев». Вскоре и я познакомился с этой замечательной книгой.

Чтобы преподавателям было удобно добираться до работы, университет выделил старенький автобус. За полчаса до начала занятий он уже стоял в условленном месте неподалеку от общежития, поджидая своих пассажиров. За баранкой сидел пожилой водитель, которого все уважительно звали по отчеству – Гаврилыч. Гаврилыч хорошо знал свое дело: когда все пассажиры были на месте, он плавно трогал с места и брал курс на университет. Ближе к вечеру он также аккуратно доставлял преподавателей назад к дому на бульваре. У нашего водителя были и другие обязанности, например, во время летних каникул он отвозил детей сотрудников университета в пионерские лагеря.

Часовые на вышках и статуя вождя с отбитым носом

Особым событием для всех жильцов было посещение бани – этот ритуал совершался раз в неделю. Баня находилась в четырех кварталах от дома, по улице Логвиненко. Те, кто мог себе позволить, пользовались номерами – комнатками, с ванной, душем и помещением для переодевания. Путь к бане проходил по улице Токтогула. Помню, как мы с отцом медленно шли по тротуару вдоль неказистых одноэтажных домов. На многих из них были камышовые крыши. Изредка по мощеной булыжником мостовой с грохотом проезжали машины. Прохожих было мало. Некоторое время мы доходили до улицы Панфилова. Здесь на левой стороне улицы стояла на древнем бугре городская тюрьма. За высокой стеной с колючей проволокой поверху. По углам стен были оборудованы сторожевые вышки. Я с интересом поглядывал на часовых, видневшихся на вышках. В городе ходили слухи, что несколько заключенных сделали подкоп и бежали из тюрьмы.

Наконец, мы сворачивали на улицу Логвиненко, и тут наш путь подходил к концу. Мне нравилось ходить в баню, купаться в ванной, под душем, а потом переодеться во все чистое. После бани мы обычно заходили в буфет, чтобы можно было выпить чаю, съесть бутерброды или что-нибудь из выпечки, но большинство посетителей приходили сюда, чтобы выпить пива. Еще в вестибюле бани был установлен автомат с пульверизатором.

Чтобы освежиться одеколоном, нужно было опустить в прорезь пятнадцатикопеечную монету, поднести лицо к автомату, и он щедро орошал вас порцией резко пахнущего «Шипра».

Параллельно улице Токтогула проходила улица Красноармейская, но уже в то время она была частично застроена – с одной стороны прямо поперек ее, фасадом на бульвар возвышалось высокое красивое здание республиканской прокуратуры, а с другой, на Первомайской, – стояло недостроенное здание ремесленного училища. И как раз на этот участок Красноармейской выходило южное крыло нашего общежития – излюбленное место для игры в лапту. Кроме того, здесь находился городской Дом учителя, о котором следует сказать особо. В этом одноэтажном здании дореволюционной постройки имелся небольшой зал, в котором время от времени устраивались бесплатные концерты. Чаще всего это случалось перед выборами или в праздничные дни. Делалось это, естественно, для того, чтобы активизировать избирателей. Однако наши родители – люди занятые, ходили сюда редко, зато мы, дети, такого рода мероприятия просто обожали.

На концертах обычно выступали артисты филармонии. Особенно нам нравились юмористические сценки, которые разыгрывали артисты эстрады Симон Симаров и Валентина Неволлина, супруга пианиста Александра Лелюша, тоже принимавшего участие в концертах. Не меньшим успехом пользовалось и выступление киргизского вокального квартета, певшего на четыре голоса без сопровождения. Гвоздем их программы было исполнение русской народной песни «В деревне то было в Ольховке» – история про незадачливого жениха Андрияшку и его невесту Парашку. Артисты пели увлеченно, в пародийном духе. Особенно удачно выходил у них последний куплет, где рассказывалось, как невеста с женихом, отец которого не дал согласие на свадьбу, заревели в два голоса: «И заплакал тут наш Андрияшка, а за ним заревела Парашка». Мы были в восторге и громко хлопали в ладоши.

Вообще, мы были далеки от политики, но иногда происходили такие события, от которых, ни взрослые, ни дети не могли остаться в стороне. Именно такое событие случилось в марте 1953 года: скончался наш «дорогой вождь и учитель» товарищ

Сталин. В те дни Всесоюзное радио ежечасно передавало бюллетени о состоянии его здоровья. Все взрослые с тревогой следили за этими сводками, и мы, ученики шестого класса, тоже не могли остаться в стороне. На перемене кто-то из ребят предложил пойти к одному из одноклассников, который жил неподалеку от школы, и послушать очередную сводку. С озабоченными лицами мы двинулись в путь. Прослушав сообщение и ничего толком не поняв в мудреном заключении врачей, вернулись в школу. А там нас уже поджидал сам директор. Он внимательно выслушал наше сбивчивое объяснение, но ругать не стал, а только велел пройти в класс и продолжить прерванный урок.

Неподдельное возмущение вызвала у нас в те времена весть о том, что в Москве в кремлевской больнице была выявлена преступная банда «врачей-убийц», пытавшихся погубить высшее руководство страны и самого товарища Сталина. Мы дали волю своей фантазии, придумывая для этих ужасных «убийц в белых халатах» самые невероятные виды казни.

Другое, не менее важное событие, произошло тремя годами позже, когда в Москве на двадцатом съезде партии Хрущев выступил с разоблачением культа личности Сталина. Через несколько дней на его статуе, стоявшей с правой стороны от южного входа в пединститут, кто-то из мальчишек отбил камнем нос. Однако с таким дефектом статуя простояла недолго – городские власти решили целесообразным убрать ее подальше от глаз. Ленин, стоявший по левую сторону от входа, остался в одиночестве.

Прореагировали наши мальчишки и на известие о расстреле одиозного главы НКВД – Лаврентия Берия. Вдохновленные частушечным куплетом «Берия, Берия – нет к тебе доверия. Сам товарищ Маленков надавал тебе пинков», они пошли в подвал общежития, где в укромном местечке находился оборудованный старшими ребятами, игравшими когда-то в войну, «штаб», стены которого украшали вырезанные из газет портреты членов Политбюро ВКП(б). И там, в тусклом свете фонарика, портрет Берии был сорван со стены и предан сожжению.

Гораздо труднее было разделаться с наследием всемогущего ведомства, которым долгие годы управлял Берия. Несмотря на

свой возраст, мы прекрасно знали, что такое НКВД и «черный воронок», нередко проезжавший по улицам нашего города. Знали мы и для чего он служит. В наш детский лексикон прочно тогда вошло слово «сексот», что для нас означало «ябеда», «доносчик». Пользовались мы и производными от него глаголами «сексотить», «насексотить», то есть «наябедничать». В свои юные годы мы и не подозревали, что аббревиатура «сексот» означает «секретный сотрудник», иначе говоря, осведомитель.

Что такое «Гулаг» тогда еще мало кто знал, но лагерные песни уже пользовались в народе известностью. Помню, лет в 13–14 я услышал, как один мальчик в кругу друзей пел под гитару очень грустную песню про заключенных, узников лагерей:

Я помню тот Ванинский порт
И крик пароходов унылый,
Как шли мы по трапу на борт
В холодные мрачные трюмы.

Песня тронула меня, особенно ее последний куплет, который мальчик пел, явно кого-то копируя, с надрывом в голосе:

Будь проклята ты, Колыма,
Что названа Черной планетой.
Сойдешь поневоле с ума –
Оттуда возврата уж нету.

Каждый раз по пути в школу, я проходил мимо длинного одноэтажного здания, в котором находился Верховный суд республики. Иногда его двери были открыты, и возле них толпился народ. Это означало, что суд открытый, и желающие граждане могут на нем присутствовать. Однажды здесь проходил необычный процесс, о котором много говорили и даже писали в газетах. Это случилось в последний год нашего проживания в общежитии – в 1962-м.

Именно тогда в нашем тихом городе был неожиданно выявлен целый подпольный синдикат по производству трико-

тажных изделий. Из Москвы прибыли следователи по особо важным делам, представители прокуратуры и судебной власти. Последовали аресты, и вскоре уже было задержано около ста пятидесяти человек. Дело принимало очень серьезный оборот. Оказывается, группа предприимчивых людей, не уступавших в своей изобретательности подпольному миллионеру Корейко из романа «Золотой теленок» Ильфа и Петрова, наладили на двух небольших трикотажных фабриках производство пользующейся спросом у населения продукции. Было учтено всё – от подкупа должностных лиц, порой, очень высокого ранга, до сбыта продукции через торговую сеть.

Система действовала безотказно, а ее создатели процветали, не отказывая себе ни в чем. Приобретались добротные дома, машины, скупали золото и бриллианты. Ходили слухи, что жена одного из комбинаторов по утрам принимала молочные ванны, а использованный продукт потом снова пускался в продажу (не пропадать же добру!). Но, к несчастью, эти люди жили не в то время – сейчас кое-кто из них наверняка стал бы, если уж не олигархом, то очень богатым человеком и никто бы его не преследовал.

Горожане внимательно следили за ходом процесса. В республиканских газетах время от времени публиковались разоблачительные материалы под хлесткими названиями – «Хищники», «Тени прошлого» и др. В них сообщалось о ходе процесса и суда, который вела Коллегия по уголовным делам Верховного суда Союза ССР. Наконец, был оглашен приговор. Он был более чем суровым: 21 человек получили высшую меру – расстрел. В их числе, директора фабрик Л. Фельдшер, Д. Таласбаев, председатель Госплана Киргизской ССР Б. Дюшалиев. Подсудимые посягнули на самую основу социалистического государства, и власть не могла им этого простить.

«Мы государству ущерб не нанесли. Сколько было у государства, столько и осталось. Мы выворачивались на собственные деньги, выпускали неучтенную продукцию. Нас судить за хищения никак нельзя», – пытался убедить суд подсудимый З. Газенфранц. Но всё было тщетно – исход суда был определен заранее. Главное, чтобы другим повадно не было.

Выстрел в ночи

Однако вернемся к жильцам нашего дома. На втором этаже, в двух комнатах с окнами, выходящими на юг, жил доктор наук, профессор Турдаков Алексей Федорович (1899–1968), по специальности ихтиолог. Ученый занимался проблемой «переселения» рыб из одного водоема в другой и каждый год выезжал с экспедицией на озеро Иссык-Куль. Уже тогда он предсказывал, что иссык-кульский чебачок когда-нибудь станет деликатесом, дороже шпрот. Профессору не верили, а зря.

Квартира Турдаковых напоминала настоящий музей: старинная мебель, дорогие ковры, а на стенах, прямо поверх больших ковров висели многочисленные фарфоровые тарелки – одна другой краше. Похоже, что они представляли большую художественную ценность. Как-то, уже не помню по какому поводу, я зашел к Турдаковым и был просто поражен увиденным. Кстати, ковры и тарелки можно было заметить и с улицы. Присмотрели их и воры. В ту пору (начало 50-х годов) из лагерей были выпущены многие уголовники. Часть из них устремились в республики Средней Азии, в том числе и в Киргизию. В результате в городе участились кражи и грабежи. Был случай, когда бандиты вырезали целую семью.

И вот однажды ночью нас разбудил громкий ружейный выстрел. Стреляли где-то совсем рядом, возможно, в нашем доме. Утром мы узнали, что вор лез по решетке окна первого этажа, пытаясь проникнуть в квартиру Турдаковых. Карабкающегося по решетке вора увидел жилец квартиры – историк, будущий академик Бегималы Джамгырчинов (1914–1982). Он не растерялся, взял охотничье ружье, подошел к окну и выстрелил в воздух, вспугнув тем самым грабителей.

Турдаковы жили втроем – Алексей Федорович, его жена и сын Алеша. Была у них и домработница. Алеша, высокий, светловолосый, приятной внешности юноша, был на два-три года старше меня. В школе он был круглым отличником, занимался спортом и, похоже, шел по стопам своего отца. И действительно, после школы он поступил на биологический факультет МГУ,

окончил его, женился, защитил кандидатскую диссертацию. В общем, все складывалось как нельзя лучше, но трагический случай оборвал жизнь перспективного молодого ученого: возвращаясь ночью с Иссык-Куля на собственной «Волге», на одном из поворотов Алексей не справился с управлением и разбился насмерть.

Многодетные семьи

Большинство семей, проживавших в общежитии, были небольшими – один-два ребенка в семье. Но встречались и многодетные семьи. Одной из них была семья Бакия Кулдашева (1916–1956) – заслуженного учителя РСФСР, первого в республике киргиза, защитившего кандидатскую диссертацию по педагогике. У Кулдашевых было четверо детей, и все – девочки. Старшая дочь, стройная, симпатичная девушка по имени Дамира, была моей ровесницей. Она тоже пошла по стопам отца – в тридцать лет защитила диссертацию по педагогике.

Глава семьи мечтал о сыне, и рискнул: жена забеременела в пятый раз. Весь дом замер в ожидании – кто же родится? Но злой рок преследовал ученого: жена опять родила девочку. Не знаю, то ли от огорчения, то ли по другой причине, но наш сосед вскоре скончался. Вдова осталась с пятью детьми на руках. Но семья была дружной, трудолюбивой: насколько мне известно, все дочери Бакия Кулдашева сумели устроить свою жизнь.

Многодетной была и семья писателя и переводчика Узакбая Абдукаимова (1909–1963) – отчима моего товарища Алмабека Баимбекова, дружба с которым продолжалась долгие годы. В их семье было восемь человек, включая бабушку. Жили они в небольших двух комнатах на первом этаже. Было тесно, но еще теснее становилось, когда из села приезжали родственники. Пока те гостили, Алмабек приходил ночевать к нам. Вскоре случилась беда – у моего друга неожиданно умерла мать, еще молодая, полная сил женщина. Алмабек и его старший брат Эрик – дети от первого брака – осиротели (их отец погиб во время войны). Но нужно отдать должное писателю, бывшему фронтовику, раненному в бою под Великими Луками: он по-прежнему заботился

о детях, не разделяя их на своих и чужих. Отчим помогал Алмабеку и тогда, когда он уже был студентом и учился в Москве.

Однако самой многодетной была семья кандидата филологических наук, ученого и педагога Манайкула Мураталиева (1908–1997) – в ней было восемь детей. Глава семьи читал лекции в Совпартшколе, но после ее перевода в Алма-Ату, перешел на работу в Академию наук. Он был специалистом по грамматике киргизского языка, автором школьных учебников и научных трудов. Ученый был невысокого роста, но строен и сохранил хорошую осанку до самой глубокой старости. Мне он запомнился спокойным, уравновешенным человеком, тактичным и добросердечным. Его старшая дочь Айымкан была красивой девочкой, и я в свои 13–14 лет был явно к ней неравнодушен. Айымкан хорошо пела, поэтому после окончания школы поступила на вокальное отделение музыкального училища им. Мураталы Куренкеева, а потом в течение долгих лет работала звукорежиссером республиканского телевидения.

Одна из младших дочерей – заслуженный деятель культуры Кыргызской Республики, Айгуль Мураталиева, выпускница знаменитого хореографического училища им. Вагановой в Ленинграде, более двадцати лет танцевала на сцене Киргизского академического театра оперы и балета им. Абдыласа Малдыбаева, а после выхода на пенсию перешла на педагогическую работу в хореографическое училище им. Чолпонбека Базарбаева, выполняя также функции художественного руководителя учебного заведения. Ее ученики имеют прекрасную подготовку, а постановки балетных номеров отличаются яркостью и оригинальностью.

И еще одна семья, о которой хотелось бы сказать пару слов – это семья математика Абдрахмана Исхакова, уйгура по национальности, прожившая в нашем доме до конца 50-х годов. В их семье было четверо детей – две девочки и два мальчика. Самой яркой личностью из них была Тамара, романтическая девушка, студентка филфака университета. По своему облику и характеру она несколько напоминала Татьяну из пушкинского «Евгения Онегина», можно сказать, ее восточный вариант. Тамара много читала и уже в юности носила очки. Она вышла замуж за русского, в бра-

ке была счастлива, но, к сожалению, рано ушла из жизни. Тамара была на два года старше меня, а ее брат Файзрахман, которого мы ласково звали Федя, – на два года младше. Когда семья Исхаковых переехала в Ташкент, он стал работать в торговле и сделал фантастическую карьеру – стал директором Ташкентского горторга. В те времена, человек, занимающий такую должность, был олицетворением неограниченных возможностей и достатка.

Предприимчивую жилку Файзрахман, наверное, унаследовал от отца, который, был скромным преподавателем математики. Чтобы каким-то образом прокормить семью в тяжелые военные годы, он стал играть в бильярд, разумеется, на «интерес», и это у него, говорили, неплохо получалось.

Правила хорошего тона

По соседству с Исхаковыми проживала семья гидрогеолога Насыра Даниярова (1915–1993). Это был высокий сухопарый мужчина лет сорока. Он жил вместе с женой и двумя детьми школьного возраста – мальчиком и девочкой. Когда у кого-то из них что-то не получалось с задачками по арифметике, я охотно помогал им, а в награду получал от их мамы шарик сушеного сыра – курута, который мне очень нравился. Их отец казался мне тогда строгим и даже суровым человеком. Я ведь не знал, что отец Насыра Бакировича в начале 30-х годов был расстрелян, а сам он, вместе с братьями и сестрами, воспитывался в семье дяди – известного киргизского просветителя Базаркула Даниярова, который много перенес в своей жизни и впоследствии тоже был репрессирован. Детей он очень любил и никому не давал их в обиду. Однажды я стал свидетелем, как наш сосед проучил одного озорника, поколотившего его сынишку. Он поймал его во дворе, завел в подъезд и повел по лестнице к родителям, держа одной рукой за ухо, а другой за вывернутую за спину руку, да при этом еще и поддавал коленом под зад, чтобы двигался побыстрее. Всё это было физическим воздействием, но было еще и психологическое: на протяжении всей экзекуции дядя Насыр читал озорнику нравоучения. Конец этой истории был неожидан – дойдя до

верхней площадки, гидрогеолог отпустил мальчишку. Тот, конечно, был несказанно рад, что легко отделался, и дело не дошло до разборки с родителями – отец мог и выпороть.

Известными в республике учеными-историками были супруги Зима – глава семьи Борис Михайлович (1908–1979), кандидат наук и его супруга Анна Гавриловна (1909–1985), доктор наук, член-корреспондент Академии наук. Они жили на втором этаже по соседству с семьей Быковых, и имели двух детей – Мишу и Олю. Оля, моя ровесница, была в детстве настоящим сорванцом – умела лазать по деревьям и могла дать отпор любому мальчишке – драться она умела хорошо. Впоследствии Ольга Борисовна стала преподавателем музыки. Совсем иным был Михаил – добрым, приветливым, воспитанным. Он был старше меня на пять лет, но со мной держался на равных и даже давал покататься на своем подростковом велосипеде. Таким же, впрочем, был и его отец, – незаносчивым, добросердечным. Борис Михайлович, украинец по национальности, летом обычно ходил в украшенной вышивкой рубашке, так называемой, «вышиванке». Ученый одним из первых приехал по направлению в Киргизию (в 1935 году) и считался здесь старожилом. В течение четырех лет он сражался на фронтах Великой Отечественной войны, был трижды ранен, имел боевые награды. Профессор Зима и его жена Анна Гавриловна внесли большой вклад в развитие киргизской исторической науки.

Борис Михайлович научил меня здороваться со взрослыми и обращаться к ним не как «дядя» или «тётя», а по имени-отчеству. И сделал это он очень просто: поздоровался со мной первым, а когда я ответил, поинтересовался, как меня зовут. «Андрюша? – Очень хорошо! А меня – Борис Михайлович», и он улыбнулся. Тогда мне было девять лет, и, естественно, я просто стеснялся заговорить с взрослым, тем более, с незнакомым мне человеком. Но вскоре робость прошла, и я уже первым спешил сказать: «Здравствуйте, Борис Михайлович!»

Уроки немецкого и боксерские перчатки

Как я уже говорил, наш дом был многонациональным. Жили в нем и немцы. Так, во втором подъезде дома проживала милая старушка по фамилии Каргер. Она вместе со своей дочерью, преподававшей немецкий язык на инфаке университета, занимала небольшую комнату с единственным окном, выходившем на север. Дочери было уже за сорок, и была ли она замужем, можно только предполагать. Вполне возможно, что была, а ее муж, особенно, если он был немцем, попал под одну из волн сталинских репрессий.

В комнате было тесновато, но чисто и уютно. Под руководством фрау Каргер я стал постигать язык Гете и Шиллера и, надо сказать, довольно преуспел в этом деле. Я ходил на уроки вместе с группой, в которую входило несколько мальчиков и девочек примерно моего возраста. Занятия в основном проходили на немецком языке: лишь иногда, когда нужно было объяснить какое-то правило или перевести незнакомое слово, наша учительница переходила на русский. Главной целью педагога было научить нас разговаривать, а грамматику мы постигали как бы между делом. И еще: занятия фрау Каргер были живыми, интересными и проходили они часто в игровой форме. Учили мы и стихи немецких поэтов – я до сих пор помню строки из Гейне: “Auf die Berge will ich steigen, wo die frommen Hütten stehen...”

Совсем недавно мне удалось узнать, что моя учительница была женой бывшего царского полковника Евгения Каргера, приехавшего в Киргизию еще в довоенные годы. У Каргера было четверо взрослых детей – два сына (оба инженеры) и две дочери: одна была учительницей немецкого языка, другая, Елизавета – учительницей музыки. В середине 30-х годов старого полковника неожиданно арестовали, жену выселили, а в квартиру тут же въехала семья чекиста. Взрослые дети Каргера жили отдельно от родителей, поэтому они, похоже, не пострадали. Правда, сыновья-инженеры на много лет исчезли с поля зрения и объявились только после войны. К сожалению, о их дальнейшей судьбе мне ничего не известно.

О семье полковника Каргера я узнал из воспоминаний филолога Николая Полякова, приехавшего в Киргизию еще ребенком в самом начале 30-х годов. Несомненный интерес представляет его описание города той далекой поры.

– Бишкек, в окружении богатых русских и украинских сел Северной Киргизии, привлекал в те годы многих беженцев из голодной России. Построенный в 80-е годы конца XIX века военными инженерами, город отличался четкой планировкой и обилием зелени. Вдоль улиц – арыки с чистой проточной водой, над ними высоченные пирамидальные тополя. Кварталы одноэтажных домов утопают в садах. Правда, рядом, за железной дорогой – трущобы «Шанхая», забитые бедняками, пропойцами и всяким жульём. На базаре – горы арбузов, дынь и всевозможных фруктов. Масса лавчонок ремесленников. Мясные ряды столь же обильны. Женщины судачат: «Наберешь на десятку полную корзину, и еще останется на арбакеша». В начале 30-х нэповское изобилие сгнуло разом: раскулачиванье, всеобщее оскудение, террор...

Нашим ближайшим соседом по этажу и коллегой отца был Яков Григорьевич Богуславский – преподаватель математики, бывший фронтовик. Он жил вместе женой Фаиной Михайловной и сыном Юрой через стенку от нас и часто заходил к нам, чтобы побеседовать с отцом. Это был несколько флегматичный, добродушный человек, наверное, много повидавший и претерпевший в жизни. Говорил он тихим, ровным голосом, часто заменяя в словах ударное *e* на *э* обратное: «сэрдце», «сэссия», «газэта». О чем беседовали коллеги легко было догадаться по этим трем словам – о здоровье, делах в университете, новостях. У нашего соседа была сестра Ида Григорьевна. Она жила в доме барачного типа неподалеку от общежития и вела в нашем классе занятия по математике.

Жена Якова Григорьевича, Фаина Михайловна, нигде не работала, занималась воспитанием сына и целый день хлопотала по хозяйству, а Юра – высокий, мускулистый, немного сутуловатый и вспыльчивый юноша, бывший на два-три года старше меня, усердно занимался боксом и в случае чего мог постоять за себя. Навыки, приобретенные на занятиях в секции бокса при го-

родском стадионе, он передавал нам, ребятам. Обычно Юра проводил с нами разминку, а затем учил различным приемам бокса, технике боя. Так я узнал, что такое апперкот, хук правой, хук левой, нокаут, нокдаун. Эти английские слова звучали для нас тогда, как музыка. Позже наш тренер принес несколько пар старых боксерских перчаток, и мы перешли от теории к практике.

Однажды я стал свидетелем, как Юра расправился с представшим к нему парнем явно уголовного вида, с виду кавказцем. Конечно, ничего хорошего ждать от этой встречи было нельзя – парень явно наседали на нашего соседа, а чуть в отдалении поджидали еще двое.

События разворачивались ясным летним днем, прямо перед нашим домом, и мне из окна второго этажа, где я тогда находился, все хорошо было видно. По-видимому, разговор достиг своей решающей фазы, и Юра, неожиданно, молниеносным ударом левой (он был левша) уложил парня на месте. Удар был настолько сильным, что ремешок на часах у Юры лопнул, и часы отлетели в сторону. Юра быстро поднял их с земли и, ни теряя ни секунды, забежал в дом, прикрыв за собой дверь. Инцидент был исчерпан. Дружки подняли потерпевшего и, бросая недобрые взгляды на дом, удалились. Зайти в внутрь они не посмели.

Спецпереселенцы, «космополиты», профессора...

Юрий вместе с четырьмя своими сверстниками по дому учился в той же школе что и я, но на два класса старше. До 1954 года мужская средняя школа № 6 считалась одной из лучших в городе, и в ней учились только мальчики. Юрины друзья и одноклассники – Алеша Турдаков, Руслан Алиев, Халит Лайпанов, Эльбрус Фриев – учились хорошо, и все они после окончания школы поступили в различные вузы страны. Удивительно, что ребята были представителями разных народов страны – еврей, русский, два карачаевца и осетин. Однако это нисколько не мешало их дружбе – ведь друзей ребята выбирали не по национальному признаку, а по личным качествам, сходству характеров, близости взглядов, увлечений. Впрочем, увлечения иногда были разными: Юра за-

нимался боксом, Халит – авиамоделизмом, Алеша – биологией, Файзрахман и Витя – играли в баскетбол.

Разными были и судьбы их родителей. Так уж случилось, что в те послевоенные годы, в силу различных обстоятельств, все они неожиданно оказались в одном месте – в столице Киргизстана, городе Фрунзе, а точнее, в одном большом доме на Дзержинской. Хорошо сказала об этом в своем очерке о жизни в Киргизии старшая сестра Руслана Алиева – Светлана: «Здесь были сосланные по социальному и национальному признакам, политические, спецпереселенцы, «космополиты», врачи, профессора... Кого здесь только не было! Жилось, думаю, не так уж плохо – Киргизия была приветлива, терпима и гостеприимна...». Конечно, среди этих людей были и те, кто приехал по своей воле или как квалифицированные специалисты, направленные сюда на работу, как тогда говорили, «для братской помощи народу республики в социалистическом строительстве». Вместе с приезжими жили и трудились наши, киргизские ученые – это: химик Кадыр Шатмиров, историк Бегималы Джамгырчинов, философы Азис Салиев и Азиз Нарынбаев, языковед Калкабай Сартбаев и другие. Все они успешно защитили кандидатские и докторские диссертации, став вскоре самыми видными представителями научной интеллигенции республики. Многие из них были избраны действительными членами или членами-корреспондентами Национальной академии наук.

Алиевы, как и другие представители народов Северного Кавказа – карачаевцы, балкары, ингуши, чеченцы, считались спецпереселенцами. Насильно депортированные со своих родных мест в 1943–1944 годах, они прожили здесь долгие четырнадцать лет, и лишь в 1957 году, когда уже был осужден культ личности Сталина, депортированным было разрешено вернуться на свою родину. А пока им нужно было постоянно отмечаться в городской комендатуре; иначе говоря, быть под неусыпным оком соответствующих органов. А так, внешне, со стороны, жизнь и быт этих людей и членов их семей, казалось, ничем не отличались от жизни их соседей. Так, Умар Баблашевич Алиев (1911–1974), филолог по образованию, читал в университете лекции по общему языкозна-

нию и современному русскому языку. Он был женат на русской, и они вместе с супругой Татьяной Федоровной воспитывали двух детей – Светлану и Руслана. У жены Алиева был странный голос, какой-то сиплый, с присвистом, как у больных ангиной. Позже я узнал, что она сорвала его, когда в их дом пришли люди в форме, чтобы арестовать ее мужа. В 1958 году, когда насильно переселенным народам Северного Кавказа было разрешено вернуться на родину, Умар Алиев покинул Киргизию. Со временем он стал самым видным ученым своей республики, первым доктором филологических наук на Северном Кавказе, а после его смерти имя ученого было присвоено университету, в котором он преподавал.

На втором этаже, в большой комнате с тремя окнами, выходящими на бульвар, жила семья Фриевых. Ее глава, выпускник МГУ, кандидат геолого-минералогических наук, доцент Хаджимурат Дзамбулатович Фриев был сослан в Киргизию еще в конце 30-х годов. Первое время он вместе с семьей жил и трудился в Нарыне, а через несколько лет ему было разрешено переехать во Фрунзе, где он стал преподавать в университете, а с 1954 года – в только что образованном Политехническом институте, заведую в нем созданной при его непосредственном участии кафедрой полезных ископаемых. Ученый много сделал в деле подготовки будущих геологов, и одним из его детищ можно назвать создание при институте минералогического музея – одного из лучших в Центральной Азии.

По стопам отца пошел и сын Эльбрус (1938–2000). Он не только стал хорошим геологом, но и на долгие годы связал свою жизнь с Киргизией, с политехническим институтом, выпускником которого был. Защитив кандидатскую диссертацию и получив звание доцента, Эльбрус Фриев заведовал кафедрой, а в конце 80-х годов был назначен деканом горно-геологического факультета института. Последние семь лет он работал в Киргизско-Российском Славянском университете. Умер он от инфаркта в 2000 году.

Эльбрус, или Эльчик, как его обычно звали друзья, уже в юности был серьезным, целеустремленным молодым человеком. Запомнился один забавный эпизод, как Эльчик с Лешей ста-

ли играть в «очко», не в карты, разумеется, а бросая мяч в баскетбольное кольцо. Выигрывал тот, кто первым набирал двадцать один балл, то есть «очко». Лидировал явно Леша, но Эльчик упорно не сдавался и, чтобы отыграться, все время удваивал ставку. А ставкой был стакан газированной воды «Крюшон». Согласно геометрической прогрессии, размер ставки неумолимо увеличивался: 2, 4, 8, 16, 32... Когда же дело дошло до трехзначных цифр, игра прекратилась, друзья мирно разошлись по домам. Каким образом производилась выплата проигрыша нам неизвестно – об этом можно лишь догадываться.

У Эльбруса был двоюродный брат Тамерлан, сын незаконно репрессированного брата Хаджимурата Фриева – Асланбека. Тамерлан был на несколько лет старше Эльбруса. Он жил в семье Фриевых, учился в сельскохозяйственном институте. Это был симпатичный, хорошо воспитанный юноша. После защиты кандидатской диссертации он некоторое время жил в Киргизии, а затем переехал в Москву. Последние годы жизни он провел в Северной Осетии, в городе Беслане.

Заслуженным авторитетом и уважением среди преподавателей и студентов университета пользовался декан исторического факультета Хамид Оразович Лайпанов (1908–?). Удивительно, что этот человек, коммунист, мужественно сражавшийся в партизанских отрядах против фашистских захватчиков и имевший боевые награды, тоже стал спецпереселенцем и вместе со своей семьей разделил все тягости и унижения интернированных народов.

Жена у Хамида Лайпанова была русской, и они вместе воспитывали двоих детей – Халита и Алика, моего ровесника. Интересно, что супруга Лайпанова, в девичестве – Донецкая, до революции училась в Мариинской женской гимназии в Новочеркасске, где преподавал тогда мой отец – она была его ученицей по математике, а ее отцом был уважаемый в Новочеркасске священник Тихон Донецкий.

Кроме того, в семье Лайпановых жил еще племянник Казий, студент исторического факультета пединститута, который он окончил с отличием в 1949 году. После этого он переехал в Кант, где стал преподавать в средней школе, выполняя также

обязанности завуча и продолжая учебу в пединституте (заочно), теперь уже на факультете русского языка и литературы. Его он тоже окончил с отличием. Судьба Казия была во многом схожа со страницами биографии его дяди – он также, как и Хамид Лайпанов, сражался против фашистов, имел боевые награды и также был сослан в Киргизию. В дальнейшем Казий Танаевич вернулся на свою родину в Карачаево-Черкессию, где стал видным ученым, педагогом и общественным деятелем.

Были среди жильцов дома и те, кто уже отсидел свой срок в сталинских лагерях и был выпущен на свободу, но пока еще не реабилитирован. Одним из них был Зальман Львович Амитин-Шапиро (1893–1968) – пожилой худощавый мужчина, занимавший со своей женой и дочерью Асей небольшую комнату на втором этаже общежития. Хорошо образованный, действительный член Географического общества СССР, он был специалистом широкого профиля: востоковедом, этнографом, историографом. В 1938 году ученого обвинили в сионизме и приговорили к восьми годам заключения в исправительно-трудовых лагерях. Трудно даже представить, как этот физически слабый, тщедушный человек смог выдержать такие испытания, выпавшие на его долю. Последние годы жизни Амитин-Шапиро работал библиографом, и я его часто встречал в нашей республиканской библиотеке.

Однажды к Зальману Львовичу приехал погостить его родной брат. Любопытно было наблюдать за их прогулками: братья были очень похожи друг на друга, как две капли воды – оба невысокого роста, чистенькие, аккуратно одетые, они не спеша шли по улице, тихо о чем-то беседуя. Брат при этом еще курил трубку на длинном мундштуке. Странно, но в их облике было что-то, вызывающее улыбку.

За дочерью востоковеда Асей ухаживал Юра Богуславский – у них был, как тогда говорили, «роман». Их часто видели вдвоем, то прогуливающимися по аллеям бульвара, то катающихся на велосипедах. Чем завершился этот «роман», неизвестно: молодые люди окончили школу и разъехались по разным городам страны, где и продолжили свою учебу в вузах.

Когда я учился в четвертом классе, прямо напротив нашей квартиры поселился профессор-философ из Москвы Владимир Александрович Хмелевский. Это был высокий худощавый мужчина лет сорока пяти. Он воевал, был тяжело ранен в ногу, войну окончил в звании майора. Почему профессор оказался во Фрунзе, было не совсем ясно, поскольку в Москве у него была семья – жена и две дочери. Возможно, ученый был направлен в Киргизию для усиления работы на кафедре философии института, а, может, он специально уехал из столицы, где уже набирала силу новая волна репрессий.

Интеллигентный, всесторонне образованный человек, он сразу после приезда стал учить киргизский язык, объясняя это тем, что в конце учебного года должен был выступить с докладом на этом языке. Мы познакомились, и вскоре наш сосед стал постоянно захаживать к нам в гости. Оказалось, что Владимир Александрович прекрасно владел фортепиано. Кое-что он играл по памяти, а когда пришли затребованные им из Москвы ноты, его репертуар намного расширился. Владимир Александрович играл только классику – сочинения Бетховена, Грига, Чайковского, Балакирева и многое другое. Играл он как профессиональный музыкант, по крайней мере, мне тогда так казалось. Звуки, которые профессор извлекал из нашего скромного инструмента, буквально потрясали меня. Больше всего мне нравилось слушать фортепианные сонаты Бетховена – «Лунную», «Патетическую», «Аппассионату» – их наш гость исполнял с большим чувством и темпераментом, особенно быстрые части. Думаю, в том, что я стал музыковедом, была немалая заслуга Владимира Александровича, к которому я очень привязался.

Прожив некоторое время в нашем доме, профессор снял пару комнат в частном доме в северной части города и переехал жить туда. Я несколько раз приезжал к нему в гости. Отложив на время дела, Владимир Александрович брал меня с собой на прогулку. С собой он всегда брал кожаную сумку-планшет, которые носили военные, офицеры. Обычно мы шли в находившуюся поблизости Карагачевую рощу, где днем было тихо и безлюдно. Обогнув Комсомольское озеро, не спеша возвращались назад. По

пути мой спутник рассказывал мне много интересного и познавательного. Иногда он задумывался и какое-то время шел, молча, сосредоточенно глядя перед собой. Сейчас я понимаю, что на сердце у ученого было беспокойно, тревожно. Летом следующего года к Владимиру Александровичу приехала жена, а вскоре он вернулся в Москву. Позже до нас дошли слухи, что профессор Хмелевский был арестован. О его дальнейшей судьбе мне ничего не было известно.

Я долго искал какие-нибудь сведения о Владимире Александровиче в Интернете, естественно, искал их о нем, как об ученом, философе, но все мои усилия были тщетны. И лишь недавно, когда я решил заглянуть в военное прошлое профессора, мне повезло: я обнаружил материалы о военном корреспонденте, ответственном секретаре фронтовой газеты «На разгром врага» Владимире Александровиче Хмелевском, 1907 года рождения. Так, для меня совсем неожиданно открылись новые страницы из жизни профессора – человека, смелого, решительного, настоящего патриота своей родины.

Редакция газеты в начале войны располагалась в Брянске, но, когда захватчики вплотную подступили к городу, она была вынуждена перебраться в лес и вести почти партизанский образ жизни. Журналисты жили и работали в сторожке лесника, а их типография была мобильной – размещалась в машинах. Но вот в октябре 1941 года ситуация на фронте ухудшилась. Опасаясь очутиться в окружении врага, наши войска, а с ними и редакция фронтовой газеты, стали готовиться к отступлению. Всё оборудование было погружено в машины, но какую-то его часть пришлось оставить и закопать в землю. За ней решили приехать, когда враг будет выбит из города. Однако такая возможность представилась только два года спустя. Вот, как описывает эти события корреспондент газеты «Красная звезда» Елена Колосенцева:

– На старое место решили съездить вместе с главным редактором ответственный секретарь Александр Лапин и писатель Владимир Хмелевский. То есть основной костяк редакции. Они отправились в путь, хотя прекрасно знали, что дорога еще не разминирована. Вдобавок с ними увязалась хрупкая Зоя Хмелевская –

редактор отдела писем. Решила ехать с мужем, откапывать необходимые шрифты. Когда оказались в лесу, Александр Лапин и Владимир Хмелевский вышли из машины, чтобы проверить дорогу впереди. Они шли, а за ними полз потихоньку виллис, за рулем которого сидел главный редактор. Шофера отпустили, так как он не спал более трех суток. До долгожданного места оставалось всего метров сто, когда машина наехала на мину. Александра Лапина контузило, Владимира Хмелевского ранило в ногу, Александр Воловец и Зоя Хмелевская погибли на месте. На том самом месте, где вышли первые номера газеты...

Чтобы спасти истекающего кровью Владимира Хмелевского, Александр Лапин выбежал на шоссе, стал останавливать машины. Но, как назло, никто даже не притормозил. Пришлось даже стрелять в воздух. Вскоре раненый журналист был доставлен в госпиталь. Его спасли.

Из других источников мне удалось узнать, что на месте гибели журналистов, уже много лет спустя, был установлен гранитный памятник. Узнал я и даты жизни Владимира Александровича – (1907–1976), и что он остался вдовцом, а также, что после окончания войны стал работать ответственным секретарем газеты «Известия». Однако, что было потом, мне так и не удалось узнать.

И самое главное: на одном из сайтов я нашел фронтową фотографию Владимира Александровича. Да, это был он – ученый-философ, профессор Хмелевский, только лет на десять моложе: те же черты лица, та же осанка, высокий рост, очки и многое другое. Кроме того, на другой фотографии, запечатлевшей памятник военным корреспондентам – Хмелевским, Лапиным и Воловцу – на погоне у Владимира Александровича ясно просматривается звездочка майора. В общем, теперь есть все основания утверждать, что военкор Хмелевский и профессор, который жил и работал во Фрунзе в начале 50-х годов – это одно и то же лицо.

В те же годы в нашем доме поселилась семья Нарынбаевых. Ее глава – Азиз Исаджанович (1924–2015) тоже был философом. С фронта, где он командовал артиллерийским расчетом, вернулся инвалидом, был тяжело ранен в ногу в сражении под Курском, и всю жизнь ходил, опираясь на палочку. В то время Азиз Исад-

жанович напряженно работал над кандидатской диссертацией и в 1952 году успешно защитил ее в Москве. По характеру он был добросердечным, но прямолинейным и принципиальным человеком. Позже ученый защитил докторскую диссертацию, был избран членом-корреспондентом Национальной академии наук, а затем и почетным академиком. Гостеприимная семья Нарынбаевых славилась своей выпечкой: когда жена ученого – тетя Рая, как обращались к ней мы, дети, пекла сдобные пироги и кексы, весь дом благоухал от запаха ванилина.

Какое-то время в нашем доме жила семья кандидата исторических наук Хатмуллы Мусича Мусина. Жили и другие семьи – всех их сейчас трудно припомнить. Назову лишь тех, чьи фамилии сохранились в памяти: Татыбековы, Касымовы, Качкынбаевы, Воцакины, Сотниковы, Фроленко.

Делу время – потехе час

Жильцы нашего дома были людьми занятыми, особенно те, кто трудился над диссертацией – любую свободную минуту они отдавали науке. Но, тем не менее, и у них были свои страсти и увлечения. Чаще всего это были выходы в театр или кино. В те годы в городе было всего три театра – два драматических (киргизский и русский) и оперный. Был еще театр кукол, зрителями которого, естественно, были дети. Кинотеатров было чуть больше. Лучшим из них считался «Ала-Тоо», имевший два зала – зимний и летний. Кроме того, в нем еще было просторное фойе, где перед началом вечерних спектаклей выступал эстрадный оркестр. Оркестр по тем временам был неплохим: три саксофона, три трубы, тромбон и ритм-группа. Руководил им известный в городе музыкант, трубач Владимир Никольский, а за роялем сидела его жена, завуч музыкального училища Татьяна Павловна Дудина. Выступление коллектива продолжалось примерно 30–35 минут. За это время музыканты успевали сыграть 9–10 номеров – в основном это были популярные песни и инструментальные пьесы. Были в оркестре и солисты. Одной из них была студентка музучилища Вера Честнокова, выступавшая с оркестром в конце 50-х годов.

Чтобы послушать оркестр, нужно было купить билет на один из вечерних сеансов, а на эти сеансы детей до шестнадцати лет не допускали. Помню, летом 1956 года, когда мне до шестнадцати не хватало всего лишь несколько месяцев, мы с друзьями, бывшими на год-два старше меня, отправились в кинотеатр, чтобы посмотреть новый зарубежный фильм. Чтобы выглядеть постарше, я надел костюм, зачесал волосы назад, но все мои уловки оказались напрасными: друзей пропустили, а меня нет. Было досадно и обидно, но пришлось смириться – у строгой контролерши глаз был наметанный. «Если вам, молодой человек, шестнадцать, то покажите ваш паспорт», – таков был ее вердикт.

Самое интересное, что спустя несколько месяцев, уже с новеньким паспортом в кармане, я отправился в кинотеатр, предвкушая, как на вопрос контролерши о моем возрасте, я с гордостью предъявлю ей свой документ. Но контролерша, взглянув на меня, молча оторвала корешок билета, и пропустила меня в зал. Паспорт не понадобился. С того момента я стал ходить на вечерние сеансы, смотреть фильмы, на которые детей до 16-ти лет не допускали, и слушать выступления эстрадного оркестра.

Говоря о развлечениях, следует сразу заметить, что у взрослых и детей они были разными. Поговорим вначале о детях. Странно, но в те послевоенные годы родители не так строго опекали своих детей, как сейчас, особенно в семьях, где оба родителя работали. В сущности, мы были предоставлены самим себе, если не сказать улице. Конечно, были исключения – семьи, где мамы не работали и могли уделять больше времени воспитанию своих чад. В некоторых семьях дети были организованными и не нуждались в опеке. Они знали, что им не на кого надеяться, а только на свои силы.

Зимой мы ходили на каток, играли в снежки, строили снежные крепости, а летом ходили купаться на Комсомольское озеро, находившееся на северной окраине города в Карагачевой роще. Тогда вёсны были более теплыми, и купальный сезон начинался рано: первого мая горожане шли на демонстрацию, а второго – в Карагачевую рощу, на пикник или покупаться. Вода была уже достаточно теплой и чистой – с экологией в те годы было еще все

в порядке. Повсюду звучала музыка, раздавался детский смех. Люди приезжали целыми семьями. Организовывалась выездная торговля – продавали прохладительные напитки, мороженое, жарили шашлыки, работали раздевалки и лодочная станция.

Мы, мальчишки, приходили сюда на целый день – купались, загорали, играли в мяч. Накупавшись чуть ли не до озноба, ложились на горячий песок и отогревались на солнышке до следующего захода, а если были деньги, брали напрокат лодку. Иногда ходили прыгать с трамплина, установленного в северной оконечности озера у водосброса. Мы прыгали с нижней, трехметровой площадки и, преимущественно, «солдатиком», то есть, ногами вниз.

Купание в озере чередовали с прогулками по Карагачевой роще, напоминавшей скорее лес, чем творение человека. Это был огромный зеленый массив, засаженный не только карагачами, но и различными породами деревьев и кустарников. Здесь было все – и чаща, и поляны, и ручьи, и даже старая мельница. Разнообразием отличался и рельеф. Иногда мы ходили ловить рыбу на ручей, вытекавший из озера в его восточной части. Это было очень красивое место. Прозрачная вода струилась по дну неглубокого овражка с крутыми глинистыми берегами. Были здесь и тихие заводи, и небольшие пороги. Наловив немного пескарей, мы жарили их на палочках на костре, а потом с аппетитом поедали. Ближе к вечеру, уставшие, голодные, но счастливые возвращались домой. Родители нас особо не журили.

Надо сказать, что на озеро мы ходили пешком, хотя путь был неблизкий – около трех километров. Шли мы прямо по Советской вниз, шли дружно, гурьбой, о чем-то говорили, иногда спорили, кто-то что-нибудь рассказывал. Так, незаметно доходили до улицы Ленина, бывшей Ташкентской, а ныне – Жибек-Жолу. Далее можно было пойти по Алма-Атинской, заканчивающейся у пешеходного моста через БЧК (Большой Чуйский канал), сразу за которым начиналась Карагачевая роща. Она была заложена в 1881 году известным бишкекским садоводом Алексеем Михайловичем Фетисовым. К озеру можно было пройти и по Советской. Она тоже выводила на канал, и там тоже был мост, только

не пешеходный, а автомобильный, по которому ходили автобусы, а позже и троллейбусы. Именно на этом участке улицы находилась одна из городских достопримечательностей – Терентьевский сад. Он занимал довольно обширную территорию по левую сторону улицы и принадлежал городскому старосте Илье Федотовичу Терентьеву (1847–1914).

В начале 50-х годов Терентьевский сад представлял собой огромный зеленый массив, многое сохранивший от тех времен, когда был жив его владелец. Сквозь густую зелень сада просматривался большой деревянный дом с террасой – бывшая дача Терентьева. К глубокому сожалению, в наши дни от дачи и сада мало что осталось. Вот уже долгие годы идут разговоры об их восстановлении, но, чувствуется, что ничего из этого не выйдет. А жаль! – в свое время сад, да и вся усадьба выглядели прекрасно, о чем свидетельствуют воспоминания родственницы Терентьева Н. Рутковской, написанные ей в год ее столетнего юбилея, в декабре 1995 года. В основу воспоминаний были положены детские впечатления о саде, относящиеся ко второй половине 20-х годов прошлого века. Приведем их в полном виде:

– В 1894 году участок приобрел Илья Терентьев. Да-да, тот самый, который позже стал первым выборным старостой нашего города. Он расширил его, посадил фруктовый сад и рощу, которая в те годы так и называлась – Терентьевский сад.

Терентьевский сад был достопримечательностью города. Сад находился (да и сейчас он есть, только в очень усеченном виде) внизу по ул. Советской. Это был огромный фруктовый сад. В нем было все или почти все. От ворот (впрочем, это был скорее въезд, ограниченный двумя кирпичными столбами; собственно, ворот, которые бы закрывались, не было) к дому дорога по обе стороны была обсажена сиреневыми кустами. Справа за ними – дубовая роща. Слева – лесной орешник. А дальше – аллея из грецких орехов. В глубине виднелся двухэтажный деревянный дом, обнесенный по второму этажу обширной террасой.

Рядом с домом – палисадник, огороженный штакетником, с цветочной клумбой, посредине ее – огромная ель. За домом начинались огород и фруктовый сад. Особенно много было яблонь

зимних сортов. За садом – березовая аллея. В северной части, вернее, в северо-восточной – огромный высохший пруд. На его северном берегу небольшая избушка. Весь сад был обнесен плетнем. По южной стороне снаружи вдоль забора – карагачи. Один был очень старым и огромным. Говорили, что обхватить его могли бы только несколько человек. Позднее какой-то варвар поджег его. Рядом с домом у крыльца – колодец. О водопроводе тогда даже и не помышляли. Население верхней части города питьевую воду брало прямо из арыков, тянувшихся по обе стороны улиц. В нижней части города грунтовые воды подступали близко к поверхности, и здесь в каждом дворе были колодцы.

Миновав Терентьевский сад и пройдя еще три-четыре квартала по городской окраине, мы добирались, наконец, до канала, откуда до озера было уже недалеко. Вообще, в Карагачевой роще было два озера – Пионерское и Комсомольское. В Пионерское озеро вода поступала из БЧК, и оно выполняло функцию отстойника, поскольку вода в канале, особенно весной, была мутной от глинистых наносов. Купание в озере доставляло нам, мальчишкам, огромное удовольствие.

В весеннее время мы находили себе другое развлечение – поход за тюльпанами. Теперь наш путь лежал в противоположном от Комсомольского озера направлении – прямо на юг, к подножью Тянь-шаньских гор. Пройдя по бульвару до вокзала и перейдя через железнодорожные пути, мы входили в «Шанхай», бессистемно застроенный глинобитными мазанками и ветхими домишками пригород, где в ночное время ходить было совсем небезопасно. Через «Шанхай» протекал проложенный еще кокандцами широкий арык, по которому в город подавалась вода для полива. Наконец, открывался вид на поле, всё усыпанное распустившимися желтыми тюльпанами. От яркого солнца и желтизны даже рябило в глазах. А за полем виднелись высоченные горы, вершины которых были еще покрыты искрящимся на солнце снегом – красота неописуемая!

Границей, отделявшей «Шанхай» от открытого пространства, служила недавно проложенная улица Гвардейская (ныне – Горького). Улица выглядела несколько странно, поскольку дома

на ней были только со стороны города: с другой стороны их еще просто не успели построить.

Однако собирать тюльпаны мы не спешили – здесь были дела и поинтересней, например, можно было сходить на стрельбище, которое находилось рядом со старым, сложенным из бревен зданием сельскохозяйственного института, и поискать там гильзы от отстрелянных патронов. Здание стояло на небольшом возвышении, образованном старым руслом реки Ала-Арча, а прямо перед ним располагалось стрельбище, где солдаты воинской части учились стрелять по мишеням.

Когда добрались до стрельбища, солнце уже поднималось высоко в небо и начинало припекать. Гильз мы, конечно, не нашли, зато собрали по букетику тюльпанов. От жары страшно хотелось пить. Пришлось подняться к институту, где имелась водопроводная колонка. Пили по очереди: один давил на ручку колонки, другие, приставив ладошку к крану пили. Потом еще затеяли игры с обливанием. Холодная вода взбодрила нас, но всё равно обратный путь показался долгим. За это время цветы немало привяли, но это не беда: походом мы остались довольны, а цветы с гордостью вручили своим родителям.

Были и другие развлечения – катание на велосипеде, посещение кинотеатров или цирка. Иногда в город приезжал передвижной зоопарк. Это событие привлекало внимание горожан, особенно, детей, поскольку своего зоопарка у нас не было. Клетки с животными устанавливали на прилегающем к рынку пустыре. Конечно, зверинец представлял собой жалкое зрелище: тесные клетки, замученные животные, грязный, без единого деревца пустырь. Но мы на все это не обращали внимания – нас интересовали только звери: тигры, львы, волки, медведи и всякие прочие плотоядные, сумчатые и парнокопытные. Животные вели себя по-разному: одни спали или неподвижно лежали, уставившись в одну точку, другие, будто заведенные, нервно ходили взад и вперед по тесной клетке. И только проказницы-макаки не унывали – они лазали по прутьям клеток, корчили презабавные рожи, выпрашивали сладости.

Кроме зоопарка наш город посещал аттракцион «Гонки по вертикальной стене». Передвижная конструкция имела форму цилиндра, внизу которого располагалась небольшая арена, а наверху, за ограждением, находились зрители. Это было захватывающее дух зрелище. Оседлав мотоциклы, гонщики начинали разбег: они ездили кругами вдоль края арены, постепенно увеличивая скорость, а затем резко заваливали мотоциклы на бок и, неожиданно, оказывались в вертикальной плоскости. Тут-то и начиналось самое интересное. С оглушительным ревом, по очереди обгоняя друг друга, мотоциклы – а среди гонщиков нередко бывали и женщины – носились по вертикальной стене балагана, который расшатывался и трещал под их мощным напором. Мы с ужасом и восторгом следили за их «поединком», время от времени награждая артистов громкими аплодисментами.

Мы же катались на велосипедах и тоже устраивали гонки, правда не по вертикали, а по «пересеченной местности» – это доставляло нам огромное удовольствие. Однако велосипеды имели далеко не все. Конечно, можно было попросить велик у товарища, и проехать на нем пару кругов по бульвару, но хотелось иметь свое средство передвижения и распоряжаться им по своему усмотрению. Выход был один – мастерить самокат.

И мастерили. Кто помладше – с помощью отца или старшего брата, а кто постарше – сами. Хотя у меня и был велосипед, но я тоже взялся за изготовление самоката. Сделать его было несложно – главное, нужно было где-то раздобыть старые подшипники, которые использовались в качестве колес. Правда, эти «колеса» издавали при езде ужасный шум, но мальчишкам это даже нравилось: кататься, так с «музыкой». Не помню уже где, но подшипники я все же отыскал. Далее нужно было найти пару досок, прочно сбить их, а еще из одной смастерить руль и соединить его с основанием самоката. Теперь нужно было надежно прикрепить подшипники к самокату и сделать поворотное устройство.

И вот, мои труды увенчались успехом. Помню, с каким азартом и наслаждением я совершил свою первую поездку. Ветер шумел в ушах, подшипники грохотали, а я счастливый мчался вниз по Дзержинке, с победным видом поглядывая по сторонам: знай,

мол, наших! Послужил мне самокат недолго – через несколько дней он просто развалился, хорошо еще, что я сам не пострадал.

Но детство, а с ним и отрочество прошли – наступила пора юности, а с ней пришли и новые виды развлечений. Если в теплое время года мы с друзьями проводили вечера в парках и танцплощадках, то зимой предпочитали ходить в кино или оставались дома, чаще всего у меня: пили чай, играли в карты, слушали музыку. Гогот на таких посиделках стоял такой, то, чтобы как-то утихомирить нас, жившая этажом ниже старушка отчаянно колотила по батареям отопления каким-то тяжелым предметом.

В праздничные дни мы посещали студенческие и молодежные вечера, которые проводились в различных вузах города или в Доме Союзов. Больше всего нам нравилось ходить на вечера в университет, поскольку, кроме танцев (нередко под оркестр), там устраивались веселые студенческие «капустники», викторины и прочие мероприятия. Тон на вечерах задавали студенты филфака. Однажды они организовали театрализованное представление, посвященное романам Ильфа и Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой теленок». Это было живое, остроумное, полное неожиданных решений зрелище, чем-то напоминавшее КВН. Одним из самых активных участников представления был студент Мар Байджиев, ставший впоследствии известным писателем, драматургом.

Были у нас и серьезные увлечения – посещение библиотек, чтение, фотография, музыка и многое другое. Выпивали? Да, но как-то в меру.

У взрослых были свои развлечения. Поскольку в нашем доме преимущественно жили люди образованные, можно сказать, научная элита города, то и свой досуг они проводили цивилизованно: ходили на премьеры в оперный и драматический театр, играли в шахматы или шашки, а кое-кто и на музыкальных инструментах; естественно, какую-то часть своего свободного времени уделяли семье, воспитанию детей. Один из жильцов дома, молодой, со стройной осанкой мужчина (не помню его фамилии) отлично катался на коньках. Кажется, он был единственным в городе обладателем коньков для фигурного катания. Когда

мужчина выходил на лед, многие останавливались, чтобы полюбоваться его незаурядным мастерством.

Увлечения были самые разные – охота, рыбалка, чтение, театр, фотография, коллекционирование. Если Турдаковы собирали антиквариат, то живший этажом выше Георгий Акимович Сухомлинов – книги и альбомы по живописи. Ученый собрал прекрасную библиотеку художественной литературы. Когда он, будучи уже ректором Политехнического института, переехал в новую четырехкомнатную квартиру, одна из комнат в ней была отведена под библиотеку. На нижних полках Георгий Акимович хранил многочисленные папки с вырезанными из журналов (главным образом из «Огонька»), репродукциями картин русских и зарубежных живописцев. Кстати, сам Сухомлинов был запечатлен на одной из репродукций, воспроизводившей картину художника Ефима Чепцова «Заседание сельской ячейки» (1924). Георгию Акимовичу в ту пору было всего восемнадцать лет, но он уже был секретарем комсомольской ячейки в одном из сел Курской области.

У женщин были свои пристрастия – чаще всего рукоделие, кулинария. Но были и те, кто полностью разделял увлечения мужа: вместе отдыхали, вместе ходили в театр или в кино.

А кино в те годы было самым доступным средством развлечения и для взрослых, и для детей. Помню, в кинозале «Ала-Тоо» прямо над экраном красовалась вырванная из контекста цитата из сочинения Ленина: «Для нас важнейшим из искусств является кино». Безусловно, кино являлось мощным средством коммунистической пропаганды. Глядя на экран, зритель попадал в сказочный, нереальный мир, даже если демонстрируемый фильм был из современной жизни, будь то киноленты 30-х годов с участием знаменитой Любви Орловой, или только что вышедший на экран фильм Ивана Пырьева «Кубанские казаки». В экранной жизни всё было прекрасно – счастливые лица героев, чистота, порядок, изобилие. Такое могло быть только в кино, и люди прекрасно это понимали. «Это же кино!» – говорили они, вздыхая. Но ходить в кино любили – оно помогало им хоть на пару часов забыть о бедности и серости повседневной жизни.

Большими любителями кино были и родители Юры Гольцева. Люди довольно скромного достатка, они не пропускали ни одного фильма. В кино шли, как на праздник – тщательно мылись, причесывались, надевали самое лучшее из того, что у них было, затем выходили на бульвар и степенно направлялись в сторону кинотеатра. Через два-три часа полные впечатлений они возвращались домой в крошечную комнатку, где кроме кровати помещался только стол и вешалка для одежды. Справедливости ради заметим, что в начале 60-х годов семья получила двухкомнатную квартиру в новом микрорайоне.

Детские шалости и проказы

Наш дом был общежитием, а в каждом общежитии должен быть комендант, в обязанности которого входит надзор за порядком. Нашим комендантом был лысоватый, несколько рассеянный мужчина со смешной фамилией – Яцик. Он немного прихрамывал, скорее всего, от ранения, полученного на фронте. Мы, дети, его звали «дядя Кирюша». Помню, как однажды он напугал меня и моего товарища Генку чуть ли не до смерти. А дело было так.

Мы с Генкой, прихватив с собой арбуз, залезли на крышу дома и приступили там к трапезе. Одновременно стали наблюдать за тем, что происходило во дворе, где шумно резвились дети. Вскоре нас заметили девочки, которые стали нам что-то кричать. Похоже, их возмутило то, что мы лазаем по крыше. В ответ мы стали кидать в них арбузными корками и, кажется, в кого-то попали. Вот тут-то и появился дядя Кирюша. Увидев нас, он закричал: «А ну, немедленно слезьте с крыши! Я вот вам сейчас покажу!». И решительно направился к подъезду, где была лестница, ведущая на чердак. Мы тоже побежали к чердачному люку, но, когда добрались до него, услышали внизу зычный голос поднимавшегося по лестнице коменданта: путь к отступлению был отрезан.

Что делать? Перепуганные, мы кинулись в самую темную часть чердака и там притаились под балкой, прикрывшись для подстраховки кусками шифера. Вскоре послышался голос дяди Кирюши – с ним был еще кто-то. Голоса стали приближаться.

Осторожно выглянув из-за балки, я увидел, что грозный страж порядка вместе со своим помощником внимательно осматривают каждую секцию темного чердака, подсвечивая себе спичками. Делать было нечего – оставалось только ждать. К сердцу подкапывал холодок. А голоса все приближались. Вот они ближе, еще ближе. Наконец, они совсем рядом. И тут я стал молиться, хотя раньше этого никогда не делал: «Боже, спаси нас!» И, похоже, что Бог услышал меня: чертыхнувшись, дядя Кирюша прошел мимо, не заметив ни меня, ни Генки, а вскоре и совсем покинул чердак. Выждав еще какое-то время, мы тоже спустились вниз и разбежались по квартирам.

Эта история вскоре забылась, а мы, дети жильцов общежития и соседних домов, нашли себе новые развлечения. Одним из них был запуск «ракеты». Производился он с помощью карбида и пустой консервной банки: в земле выкапывалась лунка, в нее наливалась вода, в которую бросали кусочек карбида, после чего лунка накрывалась пустой банкой с отверстием в доньшке для запала. Снаружи банка быстро обмазывалась глиной по всему ее периметру, отверстие, из которого уже выделялся газ, зажимался пальцем. Через несколько секунд тот, кто зажимал отверстие, отскакивал в сторону, и в тот же момент кто-то другой подносил к банке горящую бумажку, держа ее привязанной к длинной хвостине. Горючая смесь взрывалась, и банка, как настоящая ракета, стремительно улетала ввысь. Это было впечатляющее зрелище.

Однажды нас за этим занятием застала жена академика Игоря Алексеевича Батманова – Любовь Васильевна, преподававшая русский язык в пединституте. Она как раз провела занятие со студентами и возвращалась домой. «Что же вы делаете, негодники?! – закричала она. – Это же опасно; вы можете остаться без глаз!» Но мы, довольные произведенным эффектом, только снисходительно улыбались.

Страсть ко всяким поджогам и взрывам была у нас неистребимой. Наконец, дело дошло до подрыва бака с водой летнего душа. Здесь следует пояснить, что двое жильцов нашего дома соорудили себе во дворе из подручного материала душевые кабины. За день вода в баках нагревалась, и ближе к вечеру мож-

но было принять душ. Владельцами этих кабин стали профессор Турдаков и наш комендант – дядя Кирюша.

Идею подорвать бак предложил сорванец лет пятнадцати, живший в одной из глинобитных мазанок по соседству с нашим домом. Отец у него работал в летной части, и там он, скорее всего, и раздобыл старый клапан к двигателю самолета. Клапан был изготовлен из дюралюминия, а внутри него, непонятно с какой-то целью, находился натрий – мягкий металл белого цвета, который при взаимодействии с водой начинает гореть. Вот этими свойствами металла и воспользовались наши сорванцы: они подпилили стержень клапана, а когда показался натрий, бросили клапан в бак с водой, установленный на душе профессора Турдакова. Вначале послышалось какое-то шипенье, затем вода в баке шумно забурлила, и вдруг раздался оглушительный взрыв. Бак лопнул, как мыльный пузырь, а вода из него хлынула вниз.

В это время в соседнем душе – о чем тогда никто из нас не подозревал – мылся наш грозный комендант. Услышав взрыв, он, в чем мать родила и весь в мыльной пене, выскочил из душа, быстро оценил ситуацию и разразился громкими проклятьями в адрес дворовых мальчишек. Мы же, давась от смеха, наблюдали за всем этим из-за кустов, а в наших головах уже созревали дерзкие планы новых проказ.

Где-то в середине 50-х годов Лайпановы приобрели себе небольшой дом с садом и покинули общежитие, а освободившуюся жилплощадь заняла одна киргизская семья. Среди ее домочадцев был невысокий, наголо обритый круглолицый паренек по имени Мамбеталы. Ему в ту пору было 13–14 лет. Однако по имени его никто не звал, а обращались к нему не иначе, как Жолдош, что по-киргизски значит «товарищ». Это безобидное прозвище он получил за свой общительный, дружелюбный характер. Жолдош приехал в город из аила, и первое время по-русски говорил плохо, но вскоре в какой-то мере освоил его, что даже стал сочинять стишки. Однажды он продекламировал нам своей очередной «шедевр», который, несмотря на некоторые грамматические ошибки, нас сильно позабавил. Героем его стал молодой милиционер, большой любитель семечек и девочек. Начинался стишок

так: «Улица Дзержинский. Там стоит мелиса (милиционер) – полный карман семечка: иди сюда, девочка!» И дальше, в таком же бодром духе, да еще с пикантными подробностями.

Однажды осенью с Мамбеталы случилась беда – он потерял свою кепку. Его родичи с покупкой нового головного убора явно не спешили, по-видимому, не было средств. Приближалась зима, уже заметно похолодало, а бедняга Жолдош все еще ходил с непокрытой головой. Наконец, выпал снег, и вот тут-то у нашего стихотворца появилась новая шапка. Нужно было видеть, как он радовался обновке, как ее бережно гладил, перед тем как надеть на голову. В общем, жизнь в доме на бульваре продолжалась.

Детей в доме было много, поэтому не один Мамбеталы, но и многие мальчишки имели прозвища (девочек эта стезя почему-то обошла стороной; наверное, их все-таки уважали). Кроме того, к нам во двор часто приходили ребята из соседних домов, у которые тоже имелись прозвища. Они были самые разные, порой даже странные. Чаще всего прозвища давались по фамилии: Богуславский – Богус, Кузнецов – Кузя, Сухомлинов – Сухарик. Необычное прозвище было у Володи Прокопьева – Полынка или Поляня (от имени его матери Полины: Чей это пострел? – Да Полинкин, чей же еще!).

Необычное прозвище было у Алмабека – Яблон. Так его имя перевел с киргизского на русский брат Эрик (алма – яблоко). Самое удивительное, что это звонкое прозвище всем понравилось и прочно закрепилось за моим другом. Он вначале обижался и даже мог поколотить обидчика, но потом привык. Садырбека звали Саркой, а Юру Дружинина – Шариком (по-видимому, за невысокий рост). Но самое обидное прозвище получил Юра Гольцев – Геббельс. Сейчас трудно объяснить за какие это «заслуги» подростка нарекли столь оскорбительным прозвищем – то ли за его острый язычок, то ли за внешнее сходство с гитлеровским приспешником.

Десятилетний Витя не выговаривал букву «р», например, рубашка он произносил как «юбашка» – это слово и стало его прозвищем: «Юбашка». Самое простое прозвище было у Генки Русакова – Толстый, но оно всегда употреблялось в сочетании

с его именем, поскольку был еще другой Генка, живший, правда, в одном из близлежащих домов. Таким образом, одного из тёзок звали Генка-толстый, а второго Генка Габба (по его эстонской фамилии, которое с успехом заменяло ему прозвище). Ну, а Алика Лайпанова прозвали именем героя сказки Алексея Толстого «Золотой ключик» – Карабас (наверное, за его взрывной холерический темперамент). Нужно заметить, что тех ребят, кто был по сильнее и мог за себя постоять, по прозвищу называли только за глаза. Попробовал бы кто-нибудь из мальчишек назвать Юру Богуславского Богусом – живо бы схлопотал по шее!

Осенью 1954 года произошло важное событие в жизни школьников, и не только нашего дома, города, но и всей страны – было отменено раздельное обучение мальчиков и девочек. Вследствие этого учебу в восьмом классе я начал не в своей родной шестой школе, а в двадцать четвертой, находившейся ближе к нашему дому, чем шестая. Новая школа мне сразу не понравилась, но еще больше огорчило то, что из моих бывших одноклассников я встретил здесь только двоих; одним из них оказался мой приятель Витя Палагута – это в какой-то мере ободрило меня.

Учился я неважно, часто сбегал с уроков. Зато усердно посещал занятия школьного духового оркестра, где стал осваивать игру на трубе. В общем, труба пробудила во мне несколько угасший интерес к музыке – я стал подбирать понравившиеся мелодии на слух, играть по нотам на фортепиано и даже записался в библиотеку, чтобы брать там нужные мне ноты, например, вальсы Штрауса, которые мне тогда очень нравились.

Когда мне исполнилось 14 лет, поздравить меня с этим событием пришли друзья – и все с подарками. Самый оригинальный подарок был от Вити Сухомлинова: он принес фотоаппарат с магниевой вспышкой (в те годы – большая редкость) и запечатлел меня сидящим за фортепиано. Фотоснимок он вручил мне на следующий день. С той поры минуло более шестидесяти лет, но тот снимок все еще цел и, глядя на него, я вспоминаю события тех далеких лет.

Вспомнилась и встреча нового 1955 года. Обычно, каждый новый год мы встречали с ёлкой. Но на этот раз ёлки не было,

зато я из ёлочной гирлянды соорудил нечто вроде новогоднего транспаранта. Для этого я взял большой лист картона, прорезал в нем 25–30 отверстий и вставил в них разноцветные лампочки гирлянды: получилась надпись «1955». Потом установил конструкцию на пианино и вставил вилку в розетку: вышло очень красиво. После этого ко мне пришло несколько ребят из нашего дома, мы потихоньку выпили по рюмке красного вина, чем-то закусили и в отличном настроении отправились на новогодний вечер, который был организован в спортзале женского педагогического института.

Иван Романович, кочегар и оратор

Большой дом – большие заботы, поэтому за чистотой и порядком в нем следили технические работники – швейцары, дворники, уборщицы, истопники. Кое-кто из них ютился в подсобных помещениях общежития, но большинство были проходящими. Тихим и неприметным работником был кочегар Иван Романович. Естественно, он трудился в котельной, обеспечивая в холодное время жителей дома теплом. Тогда теплоцентрали в городе не было, и каждое большое здание имело свою котельную. Иван Романович постоянно был при деле и на улице появлялся редко. О себе он заявлял раз в месяц, в день полочки, когда и не грех выпить. Пил горькую он у себя в котельной – пил, как говорят, до упора.

У кочегара была одна характерная особенность: водка пробуждала в нем ораторские способности. Добравшись до бульвара, он начинал громовым голосом произносить пламенные речи. Шел истопник неровной походкой, шатаясь из стороны в сторону. Порой его кренило так сильно, что, казалось, вот-вот рухнет на землю, но каким-то чудом он всё же удерживался на ногах и шел дальше. При этом он не переставал выкрикивать слова, которые были слышны за два квартала.

Речь Ивана Романовича представляла собой дикую смесь, состоящую из политических лозунгов, хроники текущих событий, бранных слов. Он клеймил немецко-фашистских захватчиков,

лидеров буржуазных стран, врагов народа. Самое интересное, что ничего антисоветского в речах кочегара не было: он был патриотом. И, странное дело, милиция его не трогала. Иван Романович благополучно добирался до дома, отдавал оставшиеся от зарплаты деньги своей «старухе» и ложился отсыпаться. Через день другой он появлялся на работе и снова брался за лопату – тихий, незаметный, исполнительный.

Наш дворник – пожилой киргиз с реденькой с проседью бородкой – был полной противоположностью кочегару. Будучи глубоко верующим человеком, исповедовавшим ислам, он никогда не употреблял спиртных напитков. Более того, несколько раз в день исполнял намаз, то есть молился. Расстелив коврик на полу в каком-нибудь пустом помещении, аксакал становился на колени лицом к Мекке и тихо молился. Все к нему относились уважительно. Да и дворником аксакал был хорошим – территория во дворе и вокруг дома всегда была чистой.

И горести, и радости

В целом жизнь в нашем доме текла спокойно: какие-то, из ряда вон выходящие происшествия, как, например, кражи, драки и т. п., случались редко. Но вот как-то летом, на этаже, где жили студенты, раздались громкие крики, послышался топот ног. Явно, кто-то за кем-то гнался. Мы с ребятами тотчас побежали на крики, чтобы посмотреть, что же там происходит. И в страхе отпрянули: по коридору с налитыми кровью глазами и огромным ножом в руках, выкрикивая угрозы, бежал разъяренный человек. Тот, за кем он гнался, успел забежать в одну из комнат и закрыться на ключ. Преследователь колотил в дверь кулаком, громко крича по-киргизски «Ач! Ач!» («Открой!»). За дверью что-то отвечали. Это еще больше распыляло пьяного хулигана. Штурм двери продолжался до тех пор, пока не приехала вызванная кем-то милиция. Нарушителя спокойствия быстро скрутили и увезли куда надо. Инцидент был исчерпан, а мой запас киргизской лексики пополнился еще одним колоритным словом – «Ач!».

Случались, правда, редко, и более драматичные события – смерть кого-нибудь из проживающих в доме. Так, в 50-х го-

дах ушли из жизни жена писателя Абдукаимова и два ученых – Бакий Кулдашев и мой отец. Однако самым трагическим происшествием стала для всех преждевременная кончина восьмилетней дочери четы Сухомлиновых – милой, обаятельной девочки Тани. Родители, особенно мать – Галина Павловна, были безутешны. Через год или полтора в их семье родился новый ребенок, тоже девочка – ее назвали Наташей.

Смерть отца заставила меня всерьез задуматься о своем будущем. В то время мне было шестнадцать лет, и я только что закончил учебу в девятом классе. Мама болела, поэтому надеяться можно было только на себя. Я как-то сразу повзрослел, стал лучше учиться и поставил перед собой цель – хорошо закончить десятый класс и поступить в университет.

Тем временем в городе развернулось строительство жилых домов, и наше общежитие стало постепенно «разгружаться». Одни из жильцов стали домовладельцами, другие сами занялись строительством на выделенных им городскими властями участках. Но большинство получили квартиры в новых домах. В числе первых, кто вскоре расстался с общежитием, были Б. Джамгырчинов, Х. Лайпанов, К. Шатемиров, Я. Быков, Г. Сухомлинов, А. Турдаков. За ними последовали и другие. Таким образом, к началу 60-х годов в общежитии проживало всего шесть семей, а в освободившихся комнатах были уже оборудованы аудитории Киргизского женского педагогического института им. В.В. Маяковского, которому здание и принадлежало. Наконец, в мае 1962 года общежитие покинули последние его обитатели – им всем были предоставлены отдельные квартиры на южной окраине города.

За двенадцать лет, которые наша семья прожила в общежитии, произошло немало изменений. Во-первых, само общежитие постепенно превратилось в учебный корпус, во-вторых, южное крыло здания было значительно расширено в сторону запада и теперь уже вплотную подходило к торцовой стене спортивного зала пединститута. В этом крыле разместили новые аудитории. Учебными классами стали и комнаты первого этажа северного крыла, которые раньше были отведены под детский сад. Теперь, вместо детских голосов, из его окон доносились звуки фортепиано.

но или комуза – здесь оборудовали классы музыкально-педагогического факультета, готовившего учителей музыки. Наконец, была снесена стена, отделяющая двор общежития от двора института: он стал общим.

Изменения произошли и на самом бульваре. Его аллеи были заасфальтированы, установлены новые светильники, а по его обеим сторонам построены новые трехэтажные жилые дома. Самый красивый дом был воздвигнут прямо напротив общежития, рядом со зданием прокуратуры. Он и сейчас не потерял своего впечатляющего вида. Другое жилое здание появилось чуть выше шестой школы. Его фасад украшали эркеры и балконы, а на первом этаже открылся новый продовольственный магазин, куда я иногда забегал за какими-нибудь сладостями на перемене. В 1960 году приняла своих первых постояльцев гостиница «Тянь-Шань», позже переименованная в «Ала-Тоо». В то время это было самое большое здание на бульваре – высокое, с парадным ходом, выходившем на «Дзержинку», и возвышавшейся в противоположном ее конце двухъярусной башней. Позже гостиница перешла в ведение «Интуриста», и в ней все чаще стали останавливаться гости из-за рубежа, в основном, как тогда говорили, из стран народной демократии.

Конец гостиницы печален – она долгое время пустовала, постепенно ветшая, и, в конце концов, была потихоньку снесена. Ныне на ее месте возвышается новый элитный жилой комплекс.

Глава вторая. ГОРОД, ЛЮДИ

Наши академики ...и «примкнувший к ним» Шепилов

В декабре 1954 года в республике была создана Академия наук. В связи с этим событием, по соседству с нашим домом было начато строительство трехэтажного здания для семей ученых – первых академиков нового научного учреждения. Осенью 1956 года это здание, находившееся на пересечении бульвара Дзержинского с улицей Дунганской (ныне Киевская), приняло своих первых жильцов. Ими стали семьи академиков Исы Ахунбаева (первого президента академии), Константина Юдахина, Игоря Батманова, Джумакана Лайлиева, Джумагула Альшбаева, Болота Юнусалиева, Николая Захарьева и других. Естественно, в каждой семье были дети, многие из которых вскоре стали нашими друзьями.

В конце 50-х годов экономист Лайлиев, занимавший одну из квартир на третьем этаже дома, сменил место жительства, а в его квартиру въехал новый жилец по фамилии Шепилов. Тогда эта фамилия была у всех на слуху, но здесь, в Киргизии, мало кто знал, что бывший член ЦК КПСС Дмитрий Шепилов, осмеливавшийся выступить против самого Хрущева, действительно живет теперь в нашем городе. Мне же посчастливилось увидеть этого неординарного человека при следующих обстоятельствах.

Как-то утром, в ясный солнечный день я зашел подстричься в парикмахерскую, находящуюся в «академическом» доме (кстати, она и сейчас находится там же). Я сел в кресло к своему мастеру, а в это время, тут же рядом, другой мастер заканчивал стричь уже немолодого, статного, хорошо одетого мужчину. Вскоре тот встал, поблагодарил мастера и направился к выходу. Что-то в этом мужчине было необычное, может быть, его благородная осанка или манера поведения – сейчас трудно сказать, но от него явно исходила какая-то аура. Неожиданно я услышал разговор двух женщин, стоявших у кассы. «Ты знаешь, кто это был?» – кивнула одна в сторону вышедшего из парикмахерской мужчины. – Шепилов!». «Да что ты! Неужели, тот самый?»

Да, это был он – кандидат в члены Политбюро, министр иностранных дел, известный ученый-экономист, фронтовик, окончивший войну в звании генерал-майора, Дмитрий Трофимович Шепилов. Тогда он смело поддержал «антипартийную группу» Маленков – Молотов – Каганович и был сурово наказан Никитой Хрущевым. С ярлыком «и примкнувший к ним Шепилов» он был выведен из состава ЦК, лишен многих званий и наград и отправлен в ссылку в Киргизию, где занял скромную должность директора Института экономики при республиканской Академии наук, а затем и рангом ниже – заместителя директора. Дмитрий Трофимович добросовестно выполнял свою работу и пользовался большим уважением как у сотрудников академии, так и у руководства республики. «Киргизы относились ко мне изумительно», – скажет он позже в одном из интервью.

Однако Хрущев «доставал» изгнанника и здесь, и только в 1960 году Шепилову было разрешено вернуться в Москву, но и там он претерпел немало, пока уже в перестроечные годы не был реабилитирован, восстановлен в партии и в академическом звании члена-корреспондента Академии наук СССР. Удивительно, что, несмотря на все удары судьбы, он прожил долгую жизнь – почти девяносто лет.

Дмитрий Трофимович вместе со своей супругой – стройной, моложавой женщиной жил в квартире № 11, а соседнюю квартиру занимала семья академика Игоря Батманова, языковеда, свободно владевшего несколькими восточными языками. Как добрые соседи они жили в мире и согласии, общались, иногда заходили друг к другу в гости. «Как-то вечером Дмитрий Трофимович пришел к нам с большим чеканным блюдом и бутылкой коньяка, – вспоминает сын академика Андрей Батманов. – Я был тогда ребенком, но, благодаря красивому, как мне казалось, золотому блюду, всему исписанному арабской вязью, я хорошо запомнил этот визит. Оказывается, Шепилов привез блюдо откуда-то из заграничной поездки, и хотел узнать, что на нем написано. Отец отлично знал арабский, поэтому ему не составило особого труда перевести содержание написанного. Попивая коньячок, соседи еще долго о чем-то беседовали и разошлись, когда бутылка уже была пуста.

В другом здании, двухэтажном, построенном двумя годами раньше и выходившем своим фасадом на Дунганскую улицу, среди прочих деятелей науки проживала семья известного киргизского геолога Абдуллы Минжилкиева, одним из сыновей которого был скромный, тогда еще не выделявшийся никакими особыми талантами подросток по имени Булат. Он очень любил слушать, когда кто-нибудь из ребят постарше брал в руки гитару и начинал петь какую-нибудь популярную в те годы песню. Булат слушал внимательно, сосредоточенно, словно замороженный звуками музыки. Сам он, правда, не пел, а если и пел, то только не во дворе. Но вот пройдут года, и этот мальчик станет выдающимся оперным певцом с изумительным по красоте голосом (басом), народным артистом СССР, выступавшим на сценах самых знаменитых театров мира.

Вместе с Минжилкиевыми в этом доме жили и другие видные ученые республики – Кадыр Шатемиров, Муса Рыскулбеков, Иосиф Найдич, Владимир Сургай, Иван и Евдокия Бурыхины. Некоторые ученые жили отдельно. Так, неподалеку от нашего дома, на Первомайской (ныне улица Раззакова) в небольшом доме с садом проживал выдающийся тюрколог, составитель нескольких тюркоязычных словарей, в том числе и первого в истории Киргизско-русского словаря, академик Константин Кузьмич Юдахин. Иногда его можно было увидеть проезжавшим по городу в «Победе» светло-бежевого цвета, за рулем которой восседал шофер-узбек в своей неизменной тубетейке. Поговаривали, что ученый был награжден этим автомобилем за его большой вклад в науку.

Ну, а во дворе академического дома, вплоть до Первомайской теснилось множество домов барачного типа и мазанок, в которых жили самые обычные, нетитулованные люди, а также семьи переселенцев. Среди них были достойные уважения люди – Аушевы, Петровы, Габба и др. С их детьми мы поддерживали дружеские отношения. Окончив школы, а затем и вузы, они стали специалистами самых различных профилей – Владимир Петров работал геологом, получив также широкое признание как краевед, автор многих книг и очерков об историческом прошлом Кыргызстана

и его людях. Владимир Прокопьев, дважды дипломированный специалист, всю жизнь строил дома, Евгений Габба проявил себя как квалифицированный инженер-электрик, ныне он на заслуженном отдыхе, живет в Германии.

И не только ученые

Мои воспоминания были бы не полными, если не рассказать о людях самых разных профессий и общественного положения, которые жили в то далекое время в нашем городе. Конечно, не обо всех их, а лишь о самых ярких, можно сказать экстраординарных личностях, с которыми мне довелось встречаться и без которых трудно представить наш славный город той поры, поскольку именно эти люди придавали ему тот неповторимый колорит, без которого он был бы уже немного не тем, чем был в действительности.

Взять хотя бы экстравагантного поэта Рамиса Рыскулова – по пышной шевелюре, словно нимб, окружающий голову, его можно было узнать издалека. Лучшие стихи поэта были переведены на русский язык и изданы в Москве. Или молодого, еще совсем тогда не именитого танцора, солиста театра оперы и балета Махмуда Эсамбаева (1924–2000). Высокий, стройный, всегда по последней моде изящно одетый, танцор невольно приковывал к себе внимание, где бы он не появился. А как Эсамбаев танцевал! Сколько чувства и экспрессии было в его стремительных движениях и позах!

Жили еще в нашем городе два страстных меломана – Александр Кологривов и Борис Григорьев. Оба были занятыми театралами, высокообразованными ценителями искусства, особенно классической музыки. Ни одна оперная, балетная премьера или филармонический концерт не проходили в городе без их присутствия. Оба меломана были яркими личностями. Высокие, статные, они носили бороды: Борис Николаевич (он был инженером-электриком) – рыжую, Александр Юрьевич – черную. За глаза их так и звали: «Рыжая борода» и «Черная борода». Особенно эффектно выглядел Александр Юрьевич. О нем и пойдет речь.

Помимо черной, как смоль бороды его неизменными атрибутами были костюм-тройка, шляпа и трость. В музыкальных кругах его ласково именовали «наш Стасов», однако это сравнение ему почему-то не нравилось, хотя внешнее сходство со знаменитым русским критиком было налицо.

Александр Юрьевич не имел музыкального образования, но его эрудиции мог позавидовать любой профессионал: классическую музыку он знал, как говорят, «от и до», а его фонотека была лучшей в городе. Да что музыка! Он прекрасно знал литературу, театр, изобразительное искусство, кино; его удивительная память хранила тысячи сведений и фактов из жизни замечательных писателей, поэтов, композиторов, певцов и музыкантов. Работал Александр Юрьевич музыкальным редактором республиканского радио и всеми доступными ему средствами пропагандировал классическое наследие. По духу это был интеллигент, в лучшем смысле этого слова, просветитель, подвижник. И молодежь тянулась к нему.

У «Черной бороды» не было семьи. Говорили, что он родом из дворян. Скорее всего, так оно и было – не берусь утверждать: по известным причинам, многие тогда скрывали свою сословную принадлежность. Александр Юрьевич вместе со своей незамужней сестрой Натальей Юрьевной жил в приземистом саманном домике, неподалеку от городского парка. Тем не менее, этот домик был хорошо известен местным любителям музыки, преимущественно молодежи, которые, как светлячки на огонек, часто заглядывали к гостеприимным хозяевам. Внутри дома было всегда чисто, тепло и уютно. Через тесную прихожую и узкую комнатку, в которой располагалась фонотека и стояла железная кровать хозяина, гости проходили в гостиную. Эта комната выглядела вполне прилично: большой стол со скатертью, венские стулья, сервант с посудой, репродукции картин и, главное, абажур, который создавал особый уют и располагал к долгим беседам за столом.

А атмосфера за столом была самая непринужденная – пили чай, обсуждали новости музыкальной жизни, читали стихи, слушали музыку. У Александра Юрьевича были редкие книги, среди них – сборники стихов поэтов-символистов. Еще у него были

перепечатанные на машинке литературные пародии неизвестных авторов под названием «Парнас дыбом». Лет тридцать спустя этот сборник был переиздан в Москве, и я, наконец, смог узнать имена талантливых пародистов, стилистов (в первых изданиях стояли лишь их инициалы), – это были харьковские литераторы Э. Паперная, А. Розенберг, А. Финкель.

В сборник были включены пародии на три темы. Одна из них – известный стишок про попа и собаку: «У попа была собака, он ее любил...» Пародии читались вслух, а присутствующие должны были отгадать в стиле какого поэта (или прозаика) они написаны. Особенное впечатление на меня произвела пародия, которая начиналась так: «А я вам, гражданочка, прямо скажу: не люблю я попов. Не то, чтобы я к партии подмазывался, антирелигиозного дурмана напускал, но только не люблю я духовной категории». Уже по этим начальным строкам становилось ясно, что объектом пародистов на этот раз стал писатель-сатирик Михаил Зощенко. Кроме Зощенко, там были пародии на Крылова, Есенина, Блока, Маяковского, Бальмонта, Вертинского и т. д.

«Черную бороду» можно было увидеть не только в оперном театре или филармонии, но и в кино, особенно, если фильм был музыкальный или представлял собой новое слово в кинематографе. Однажды во время демонстрации такого фильма в зале раздался пошлый и неуместный в данной ситуации смех. Александр Юрьевич встал во весь свой рост, повернулся лицом к залу и громовым голосом гневно произнес: «Хамы! Что же тут смешного?!» И пристыженные «весельчаки» мгновенно притихли и больше ничем не выдавали своего присутствия.

Сестра Александра Юрьевича работала машинисткой в редакции республиканской газеты «Советская Киргизия» и иногда брала работу на дом. Однажды в доме обнаружилась фотография какого-то мужчины. Запечатленный на ней субъект был молодой, неказист на вид, да к тому же еще и не брит. Скорее всего, фото выпало из какой-нибудь редакционной рукописи. Когда Александр Юрьевич спросил сестру, откуда взялась фотография и что это за тип, то она не могла ответить ничего вразумительного. К тому же, она немного смутилась. Это послужило поводом для розыгрыша.

По просьбе «Черной бороды» Витя Сухомлинов, ставший к тому времени одним из наиболее активных участников музыкальных вечеров, проходивших в доме Кологривова, размножил фотографию. После того не проходило дня, чтобы сестра не находила ее в самых неожиданных местах: то в книге, то в сумочке, то в кармане пальто, то в ящике комода. Более того, фото стало приходить по почте. Наконец, жертва розыгрыша взмолилась и попросила прекратить «издевательства». В общем, смеху было много...

Все это происходило в конце 50-х годов. Позже скромный домик музыкального редактора был снесен, а его владелец получил столь же скромную квартиру в пятиэтажке. Шли годы. Александр Юрьевич поседел, постарел. Его борода уже не была черной, как смоль, а отсвечивала серебром. Но он по-прежнему ходил с тростью и гордо поднятой головой. Любовь к музыке он сохранил до конца жизни.

Большим любителем музыки был и патофизиолог, доктор медицинских наук, профессор Георгий Львович Френкель (1899–1969). В прошлом военврач, капитан первого ранга медицинской службы, он прекрасно разбирался в классической музыке, отдавая особое предпочтение опере и балету. Причем не только постоянно ходил в театр, но и писал развернутые рецензии на спектакли, которые по своей содержательности почти не уступали публикациям профессиональных критиков.

Ценил Георгий Львович и хорошие фильмы, снятые известными режиссерами с участием выдающихся актеров мира, которые хоть и редко, но демонстрировались в наших кинотеатрах. Одно время его кумиром стала итальянская кинодива, обаятельная Джина Лоллобриджида. Она так очаровала ученого своей необыкновенной красотой и ярким актерским дарованием, что он, раздобыв где-то ее фотографию, заказал большой фотопортрет и повесил его у себя в кабинете.

Известной личностью в городе был изобретатель Борис Павлович Грабовский (1901–1966). Сын ссыльного украинского революционера, поэта и переводчика Павло Грабовского (1864–1902), физик по профессии, он был, по сути, первым изобретателем

электронного телевидения. Однако, в силу ряда драматических обстоятельств, лавры первенства стали принадлежать не ему, а американцу, эмигранту русского происхождения Владимиру Зворыкину (1931), хотя изобретение Грабовского было продемонстрировано раньше, в июле 1928 года.

Исследовательские работы проводились на базе экспериментальной лаборатории при Среднеазиатском государственном университете (САГУ) в Ташкенте и завершились успехом, но, к сожалению, результаты не были признаны официально. Советская наука не захотела признать изобретение мало кому известного молодого физика из провинции. Дальнейшие же события разворачивались почти по сценарию, описанному писателем Дудинцевым в романе «Не хлебом единым». Правда, герой романа после долгих мытарств и лишений всё же добился своего признания. Грабовскому не повезло: полное описание изобретения со всеми техническими выкладками, дневниками и чертежами он выслал в Бюро по изобретениям и рационализаторству при ВДНХ СССР. Он долго ждал ответа, но так его и не дождался. Позже запросил свои чертежи назад. Но они куда-то таинственно исчезли.

Много лет спустя в Москве был опубликован роман американского писателя и физика Митчела Уилсона «Брат мой, враг мой», в котором в художественной форме рассказывалось о работах по созданию телевидения. Когда Грабовский прочел этот роман, он был просто потрясен: герой романа – молодой физик по имени Кен, трудившийся над созданием электронно-лучевой трубки, необходимой для передачи по радиоволнам движущегося изображения, воссоздал точную картину его собственной работы, включая даже мелкие детали, иначе говоря, всё то, что было записано в его дневниках и чертежах. В начале 60-х годов Грабовский написал Митчелу Уилсону письмо, но ответа на него он не получил.

С 1931 года Борис Павлович стал жить во Фрунзе. Я не раз встречал его на улицах города. Невысокого роста, худой, сутуловатый, в круглых, похожих на пенсне очках и инженерской фуражке, он шел погруженный в свои мысли и производил впечат-

ление человека немного не от мира сего. Но в глазах изобретателя светился живой ум и любознательность. На что он жил, где работал, мало кто знал: местные научные «светила» его в свой круг не принимали. А он, будучи по природе человеком, не лишенным чувства юмора, порой над ними беззлобно подшучивал. Как-то Грабовский собственноручно вылепил огромное яйцо – ни дать, ни взять яйцо динозавра – и представил его своим оппонентам. Те кинулись его исследовать, изучать со всех сторон, что-то там доказывать, пока не выяснилось, что это всего лишь очередной розыгрыш талантливого человека.

О Грабовском в городе ходили самые невероятные слухи. Друг Витя рассказал мне, что однажды изобретатель приехал в какой-то колхоз и предложил его председателю обеспечить село бесплатным статическим электричеством. Чтобы доказать, что такое возможно, он повел председателя и группу сельчан в поле, воткнул там в землю два металлических электрода, подсоединил к ним провода с небольшой лампочкой, и к всеобщему удивлению она засветилась. Все застыли от изумления. Однако для проведения исследовательских работ и промышленного получения электричества нужны были средства, а их у колхоза не было. Эту историю Витя, слышал от своих родителей, которые восприняли ее весьма иронично.

В конце 50-х годов, когда в нашем общежитии осталось совсем мало жильцов, а в бывших квартирах уже шли занятия со студентками пединститута, появился новый заведующий кафедрой музыки. На вид ему было лет 50–60. Высокий, коренастый, энергичный, он невольно притягивал к себе внимание своим необычным внешним видом и, особенно, выразительным лицом. Он был венгр, по специальности пианист, и звали его Александр Хорват. До войны музыкант работал в Ташкенте, занимая пост заместителя директора по науке Института искусствознания Узбекистана, преподавал в консерватории, но был арестован и сослан на Колыму, где пробыл долгих восемнадцать лет. Он выжил, как и мой первый учитель музыки, благодаря аккордеону, который срочно освоил, поскольку фортепиано в тех суровых краях практически не было.

После реабилитации Хорват приехал в Киргизию. Хороший педагог и организатор, он быстро наладил работу кафедры, часто сам брал инструмент в руки и был отличным примером для студентов. Его воспитанницы часто выступали на институтских и шефских концертах, по телевидению. Однако у музыканта, пережившего ужасы репрессий, была одна слабость – он любил выпить. Пил он после работы, в кругу друзей, коллег, чаще всего в летнем ресторане «Фонтан», который находился рядом с институтом. Один раз, когда я уже сам работал в институте концертмейстером, мне довелось побывать на одном из таких застолий. Сколько же интересного и познавательного можно было услышать от старого музыканта в такие минуты! А знал он действительно очень много.

Саше Баршаю, впоследствии известному в республике журналисту, жившему тогда по соседству с нашим домом и посещавшему занятия танцевального кружка при Доме учителя, которым руководил Евгений Воеводкин, а концертмейстером был Хорват, повезло больше – он имел счастливую возможность видеть маэстро по нескольку раз в неделю. Вот что он мне поведал в одном из писем в 2012 году:

...Какие это были блистательно талантливые люди! Перед моими глазами до сих пор стоит орлиный профиль Хорвата, сидящего за пианино в наброшенном на плечи зимнем пальто – в Доме учителя было холодно. Не глядя на клавиатуру, да и вообще, на инструмент, он подхватывал любую мелодию, любой аккомпанемент, любую импровизацию, а в свободные от наших танцев минуты тихонечко, но виртуозно наигрывал пьесы Шопена, Брамса, Бетховена, других, совершенно не известных нам композиторов. По-моему, играл даже джаз, какие-то вариации, импровизации, короче, свободно, вдохновенно и бесконечно музицировал для своего удовольствия.

Также искрометно талантлив был в своем деле Евгений Воеводкин – выпускник легендарного хореографического училища имени Вагановой в Петербурге. Он частенько приглашал нас, молодых, в ресторан «Киргизстан» или в пивную в «Серой бакалее», где мы – попивая винцо или пиво, заслушивались его остроумными

анекдотами, смешными и занимательными байками. А как темпераментно и виртуозно танцевал Воеводкин на сцене оперного театра – испанский, венгерский, цыганский танцы, другие острохарактерные партии из балетных спектаклей театра! Тот, кто видел Женю на сцене, никогда не забудет этого.

Вообще, интересных людей было в городе много как среди научной и творческой интеллигенции, так и среди простых граждан. Это были люди самых разных профессий. Возьмем, к примеру, милиционера, регулировщика движения. Он обычно работал по праздничным дням или, когда в город приезжало высокое начальство на перекрестке улиц Сталина и Первомайской, в самом центре города, неподалеку от здания МВД. Это был немолодой уже мужчина с армейской выправкой. Он так ловко и артистично управлял жезлом, что люди останавливались, чтобы полюбоваться этим зрелищем.

Не менее интересно было понаблюдать за работой продавца из винно-водочного отдела гастронома, находящегося прямо напротив входа на стадион «Трудовые резервы». Говорили, что начинал он свой трудовой путь еще мальчиком в знаменитом магазине Елисеева в Москве, где и овладел секретами мастерства. Если вы покупали бутылку вина или другого спиртного напитка, то получали ее аккуратно завернутой в бумагу. Сам же процесс упаковки хмельного продукта напоминал цирковой номер. Продавец брал из заранее приготовленной стопки лист бумаги, клал его перед собой, затем укладывал на него бутылку, подправлял ее положение, так чтобы она лежала, как надо, прицеливался. И тут начиналось нечто невероятное: руки продавца оживали, несколько стремительных, тщательно отработанных движений и вы уже получали аккуратно, без единой морщинки упакованную бутылку. Иногда изумленный покупатель, чтобы еще раз взглянуть на это чудо, покупал вторую бутылку, а то и третью. Мастера своего дела были и среди почтальонов, парикмахеров, официантов, медсестер и представителей многих других нужных людям профессий.

Запомнился еще швейцар ресторана «Киргизия» – похоже, он был единственным из своих собратьев по «вышибальному» цеху в городе, кто носил мундир с золотыми галунами. Страж по-

рядка был лыс, невысок ростом и крепок физически. Свое дело он знал хорошо: пьяных в ресторан не пускал, а с нарушителями порядка умел разобраться по-свойски, не поднимая излишнего шума. Выполнял наш герой и функции гардеробщика. Здесь он был учтив и галантен, особенно, при общении с дамами. Подать пальто, легким движением смахнуть с одежды пыльцу он умел как никто иной, ну, и получал за это заслуженное вознаграждение, например, двадцать-тридцать копеек, а то и целковый, то бишь рубль. Если вознаграждения не было, то он не обижался, по крайней мере, своего неудовольствия не высказывал. Помню, как неловко и даже стыдно было мне, когда он, пожилой мужчина, помогал мне, безусому юнцу, одеть пальто. Я даже пытался взять у него пальто в руки и одеться самому, но не тут-то было: гардеробщик свою работу никому не уступал.

В те годы во Фрунзе жили и работали многие замечательные врачи, а среди них были и специалисты с мировым именем. Редко какой город огромной страны мог тогда похвастаться таким блестящим созвездием первоклассных специалистов в области медицины. Большинство из них оказалось в Киргизии волей судеб в годы войны. Назову лишь самых известных из них, людей, внесших большой вклад в развитии медицины в Киргизстане – это доктора наук А.Д. Слоним, А.Н. Круглов, Н.В. Канторович, М.Е. Вольский, А.Л. Брудный, Б.С. Бейлин, М.Е. Фридман, Г.А. Фейгин. Все они были яркими личностями, но мне довелось повстречаться лишь с одним – хирургом Максимом Ефимовичем Фридманом (1903–1970) – он был отцом моего друга и одноклассника Алика.

Фридманы приехали в Киргизию весной 1952 года. Тогда никто из нас не задавался вопросом, почему это вдруг московский профессор вместе с семьей оказался в нашем городе. Только много лет спустя, сопоставляя события тех лет, я понял причину этого переезда: нашумевшее дело кремлевских «врачей-убийц» и последовавшие репрессии против медиков еврейской национальности. Не знаю, что в действительности произошло в Москве с уважаемым Максимом Ефимовичем – был ли он лишен работы и сослан в отдаленную среднеазиатскую республику, либо по

своей воле покинул столицу. Как бы то ни было, но в Киргизии доктор Фридман нашел и почет, и уважение, став вскоре одним из ведущих хирургов города, спасшим немало человеческих жизней и оставившим о себе самую добрую память.

Во Фрунзе Фридманы поселились в одном из тихих переулков в западной части города, сняв в аренду половину частного дома с прилегающим к нему участком. Так случилось, что с Аликом я познакомился чуть ли ни в первый день его появления в школе, а вскоре еще с одним одноклассником я был приглашен к нему в дом. Мы тогда учились в первую смену, и как только занятия закончились, направились прямо к Алику. Отец нашего нового товарища весь день трудился в клинике, а дома оставались мама и бабушка. Нас встретили радушно – провели в дом, предложили вымыть руки и накормили обедом. С этого времени я часто навещал своего друга. Не раз мне доводилось видеть и главу семейства – Максима Ефимовича. Он мне запомнился мужчиной крепкого телосложения, немногословным, но вежливым и корректным. Своего отца Алик любил и уважал и беспрекословно ему подчинялся.

Иногда после школы мы садились на велосипеды и ехали в сквер, расположенный прямо напротив клиники, в которой работал Максим Ефимович. Машин в городе тогда было мало, так что проезд по городским улицам особой опасности не представлял. Добравшись до сквера, мы устраивали настоящие гонки по «пересеченной местности», причем «трассы» прокладывал Алик. Он лихо мчался по узкой тропинке среди деревьев и кустарников; я еле успевал за ним. Тропинка петляла, проходила через арыки, проложенные вдоль рядов деревьев, так что наши гонки напоминали настоящий слалом – чуть зазеваешься, и можно было вылететь из седла. К счастью, падали мы редко.

Прошли годы. По окончанию седьмого класса мы стали учиться в разных школах, и наши пути разошлись. От бывших одноклассников я время от времени узнавал новости о судьбе Алексея Фридмана. Сразу после школы он поступил на физический факультет Казанского университета, а через три года перевелся в Новосибирский университет, который окончил с отлични-

ем в 1963 году. В 26 лет он стал кандидатом наук, в 32 – доктором. В 70-е годы молодой ученый возглавлял лабораторию одного из научно-исследовательских институтов в Иркутске. В 1979 году он переехал в Москву. В период с 1975 по 1995 годы Алексей Фридман сделал крупные научные открытия. В 1989 году ему была присуждена Государственная премия СССР, а пять лет спустя он стал членом-корреспондентом РАН, а затем и академиком. Фридман был крупным специалистом в области астрофизики и физики гравитирующих систем, автором около двухсот научных работ, многие из которых публиковались за границей. Он ушел из жизни в 2010 году.

Наряду с врачами, киргизская столица тех лет вправе была гордиться и своей творческой интеллигенцией – дирижерами, музыкантами, певцами, артистами балета. Почти все они работали в Киргизском государственном театре оперы и балета. Среди его дирижеров выделялись два талантливых музыканта – Асанхан Джумахматов и Ростислав Миронович. Бывшие фронтовики, орденосцы, они были прекрасными специалистами – один наиболее ярко проявил себя в интерпретации оперных сочинений, другой – в балете. Незабываемы великолепные постановки тех лет – оперы «Айчурек». «Князь Игорь», «Демон», «Русалка», «Кармен»; балеты «Чолпон», «Лебединое озеро», «Спящая красавица», «Бахчисарайский фонтан». В оперных спектаклях были заняты народная артистка СССР Сайра Киизбаева, народная артистка республики Марьям Махмутова, солисты оперы Николай Рузавин, Владимир Королев. В балете блистала своим отточенным мастерством народная артистка СССР Бибисара Бейшеналиева. В ту пору на сцене ей не было равных. Ведущими солистами балета были Эркин Мадемилова, Нурдин Тугелов, а чуть позже – Рейна Чокоева и Уран Сарбагишев. Мне же больше импонировал Евгений Воеводкин – молодой, обаятельный, щедро одаренный природой, он покорял зрителей своим вдохновенным мастерством. После каждого из его выходов зал взрывался шквалом аплодисментов.

В конце 50-х годов смело заявил о себе молодой киргизский писатель Чингиз Айтматов – опубликованная в журнале «Новый

мир», его повесть «Джамия» стала известна всей стране, а вскоре дошла и до зарубежного читателя. Луи Арагон назвал ее «Самой прекрасной на свете историей любви». За ней последовали и другие произведения писателя – «Тополек мой в красной козынке», «Первый учитель». Чингиз Айтматов вывел киргизскую литературу на мировой уровень.

Пополнил свои ряды и Союз композиторов Киргизии. Его новыми членами стали Мукаш Абдраев, Аскар Тулеев, Таштан Эрматов, Калый Молдобасанов, Насыр Давлесов. Впоследствии все они стали видными деятелями киргизской музыкальной культуры.

«Слуги народа»

Гордостью нашего города был бульвар. Он был великолепен в любое время года, особенно, весной, когда природа пробуждалась после зимнего сна, и свежая зелень начинала покрывать его своим густым нарядом. Зацветала сирень, бульденеж, другие деревья и кустарники, распускались цветы на клумбах и вскоре весь зеленый массив просто благоухал от их ароматов.

Это было излюбленное место отдыха горожан. В те послевоенные годы бульвар выглядел иначе, чем сейчас. Тем не менее, здесь было всё, что располагало к прогулкам и отдыху – расставленные вдоль аллей скамейки, многочисленные кафе, пивные, шашлычные, торгующие разнообразной снедью киоски, да и многое другое, включая будку сапожника, газетные стенды и парикмахерскую. Днем здесь было немногочленно, зато с приближением вечера всё оживало, особенно в выходные и праздничные дни. А летом, чтобы как-то укрыться от духоты (кондиционеров-то в ту пору еще не было), люди шли подышать свежим воздухом на бульвар. Сохранилось весьма любопытное описание тех бульварных прогулок, сделанное уже знакомым нам автором – Николаем Поляковым, в то время двадцатилетним юношей, только что вернувшимся с фронта домой.

– В первый послевоенный год по главному фрунзенскому бульвару от железнодорожного вокзала до Дубового парка по вечерам

людно и празднично. Самые высокопоставленные «слуги народа» с пышными своими женами прогуливались по бульвару и по главной аллее парка. Меня поражала походка раскормленных бонз – мелкие шажки и непомерно вывернутые наружу ступни (у работаг-киргизов ничего подобного не наблюдал)...

Вскоре «слуги» стали недоступны для всеобщего обозрения. Куда же они разом подевались – не могли понять. В отрадный весенний денек 47-го года со студенткой-медичкой вздумалось побродить по зеленой степи. За шумной неглубокой речкой Ала-Арча (одной из двух питающих всю городскую зелень) узрели сказочный сад с цветущими деревьями и цветниками. Ветерок доносил с того берега ароматы цветущего миндаля и неведомых цветов.

Разулись, без труда перебрали речку и оказались во владениях Гаруна аль-Рашида! Чисто вылизанные лимузины и «Победы» с шиком подъезжают к ухоженным коттеджам с заморскими газонами и цветами. Из них выходят разряженные «слуги» со своими спутницами и, оживленно переговариваясь, исчезают в домиках. Здесь они среди своих – шутят, смеются, чувствуют себя несравненно непринужденнее, чем перед перекрестным обстрелом внимательных недоброжелательных глаз. Нас в упор не замечают – возможно, принимают за обслугу.

Пройдя сквозь эти «висячие сады Семирамиды», выходим к воротам на главную магистраль. Пожилой милиционер воззрился на нас с недоумением: «Как вы сюда попали?» Отвечаем с невинным видом: «Перешли через речку».

Страж разразился было гневной тирадой, туго соображая, что же ему предпринять. Огляделся воровато – никого поблизости. Рывкнул решительно: «А ну, пошли вон!..»

Не стали ждать повторного приглашения, убрались подобиру-поздорову. Так вот где они, голубчики, укрываются от нас, своих «господ»! А со стороны дороги скромная надпись – «Дом отдыха № 3».

Конечно, не все высокопоставленные чиновники были высокомерны и чванливы. Среди руководителей республики, работников министерств и ведомств было немало скромных и честных, достойных уважения людей, таких как первый секретарь ЦК

Компартии Киргизии Исхак Раззаков, председатель Совета министров Болот Мамбетов, председатель президиума Верховного Совета Турабай Кулатов, министр культуры Абдыкаир Казакбаев и многие другие.

Старый бульвар многое повидал на своем веку. Это было место, где не только гуляли и отдыхали, но, порой, случались и довольно драматичные события. В начале 60-х годов здесь по вечерам стали собираться ребята из близлежащих домов – пели песни под гитару, что-то обсуждали, шутили, иногда выпивали. Все они были из благополучных семей. Кто-то из них еще учился в школе, другие были студентами различных учебных заведений города. Но вот однажды между ними вспыхнула ссора, перешедшая в драку, которая закончилась весьма плачевно: один из парней, получив по голове бутылкой, скончался. Это событие всколыхнуло город, поскольку участниками драки были дети высокопоставленных родителей. Тем не менее суд состоялся, и виновные были наказаны

Прошло несколько лет. И вот тогда появилась песня, в которой рассказывалось о далеких днях бесшабашной юности. Ее автор (к сожалению, он не установлен) не только передал ностальгические чувства по ушедшему времени, но и дал бескомпромиссную оценку тем трагическим событиям, молчаливым свидетелем которых стал любимый всеми бульвар – Дзержинка.

Тополя облетают в пересвисте ветвей,
Тополя умирают на Дзержинке моей,
Лишь скамейки останутся, да и голый асфальт,
Звук гитары, грустящий на есенинский лад.

Всё исчезнет в тумане, сладость пьянок и драк.
Так зачем же мы жили, пропиваясь вот так?
Самый юный, счастливый покорился земле,
Самый старший и буйный – за решеткой в тюрьме.

Разойдемся мы в стороны, никуда не придя,
Станем чуждыми волками, дорогие друзья,

Но останется в памяти и в моей, и в твоей,
Тополей умирание на Дзержинке моей...

Они нас учили

Киргизия вправе могла гордиться не только своими учеными и врачами, но и учителями, педагогами, преподававшими различные дисциплины в школах республики. Естественно, лучшие из них жили и работали во Фрунзе. Почти в каждой городской школе того послевоенного времени находился по крайней мере один учитель, который выделялся среди коллег своими знаниями и эрудицией, умением найти подход к ученику, увлечь его, по-настоящему заинтересовать изучаемым предметом. Именно таким педагогом в школе № 10 был учитель истории Николай Дмитриевич Черкасов, водивший своих учеников в увлекательные археологические походы по Чуйской долине. Его стараниями в школе был создан краеведческий музей, экспонатами которого стали ценные артефакты, найденные юными археологами в их экспедициях. Более того, многие ученики Черкасова пошли по пути своего учителя и добились на этом поприще больших успехов.

В 5-й школе, преподавание в которой велось на киргизском языке, в течение многих лет завучем был Михаил Рудаков. Он не только свободно говорил по-киргизски, хорошо знал обычаи и традиции киргизского народа, но и был незаурядным, творчески мыслящим педагогом. А каким громадным авторитетом он пользовался у учащихся и коллег! В третьей школе, где до 1954 года учились только девочки, работала учительница русского языка и литературы Вера Викторовна Красикова. Ее уроки были захватывающе интересны, и ученицы ее просто обожали. В 28-й школе, тоже женской, лучшими учителями были Матрена Ивановна Лопухина (математика) и Лидия Яковлевна Примак (русский язык и литература). Те, кто учился у них, помнят своих учителей до сих пор.

В шестой школе, в которой я учился с 1950-го по 1958-й год, яркими незаурядными личностями были двое учителей, и оба они тоже были «русистами» – Евпраксия Павловна Масленни-

кова и Мефодий Игнатьевич Волобой. И внешне, и по характеру они были совершенно разными. Евпраксия Павловна – строгая, предельно требовательная, порой, даже деспотичная, всем своим обликом и манерами походила на даму благородных кровей; вполне возможно, таковой она и была. Учительница элегантно одевалась, следила за собой, держалась с достоинством. Мефодий Игнатьевич тоже был человеком непростой натуры. Высокий, сухопарый, чуточку сутулый, с покатым лбом и кустистыми бровями был строг только с хулиганами и бездельниками младших классов. Когда он их отчитывал за какие-то провинности, то почему-то переходил на фальцет, наверное, для большей убедительности и силы воздействия. Иное дело старшекласники, у которых учитель преподавал язык и литературу, – здесь его любили и уважали, а, окончив школу, продолжали поддерживать теплые, дружеские отношения, причем в течение многих лет: поздравляли с праздниками, писали письма, навещали. Однако при всем различии характеров и темперамента у этих учителей было и нечто общее: они прекрасно знали свой предмет и могли его преподавать самым лучшим образом.

Мефодий Игнатьевич приехал в Киргизию в 1938 году. Это стало следствием экстраординарных обстоятельств. В те далекие годы он, выпускник Томской учительской семинарии, преподавал в одном из сел Алтайской области и во время летних каникул проходил курс лечения в санатории «Симеиз» в Крыму. Домой учитель возвращался на поезде. Каково же было его удивление, когда на небольшой железнодорожной станции, находившейся в километрах пятидесяти от села, он неожиданно встретил своего отца. Тот поведал сыну страшную весть – им заинтересовались органы НКВД. Вполне возможно, что учитель что-то неосторожно сказал на уроке, и кто-то из учеников рассказал об этом дома родителям, а те донесли куда надо. В общем, возвращаться домой было просто опасно. Поэтому отец специально прибыл на станцию, купил билет на встречный поезд, вручил его сыну и посоветовал немедленно ехать во Фрунзе, где уже несколько лет жила семья его дочери Гликерии, тоже учительницы. Таким образом, вместо долгожданной встречи со своими родными (Мефодий Игнатьевич к тому

времени был уже отцом трех детей), ему пришлось ехать в далекий и абсолютно ему неизвестный горный край.

Республика тогда в учителях нуждалась, поэтому педагог не остался без работы, а через год к нему перебралась и семья. Первое время Мефодий Игнатьевич преподавал в Караколе, а затем в школах столицы – городе Фрунзе. За доблестный труд в годы Великой Отечественной войны он был награжден двумя орденами – Ленина и Трудового Красного Знамени. В сороковых и в начале шестидесятых годов он проводил занятия в школе № 6. Учитель Волобой сумел привить любовь к русскому языку и литературе сотням учащихся, оставив о себе самую добрую память. Приведем в качестве примера воспоминания одного из его питомцев, выпускника 1948 года, геолога по профессии Игоря Тангаева:

– Мефодий Игнатьевич завоевал наше уважение своей справедливостью и великолепноими рассказами о русской литературе периода революции и смуты. Будучи студентом Петроградского университета, он сам принимал активное участие в диспутах, которые в те свободные от цензуры времена устраивали декаденты, символисты и прочие новаторы от литературы. Он читал нам порой прекрасные, а порой совершенно непонятные стихи неизвестных авторов, которые давно числились в черных списках советской культуры.

Я не был учеником Мефодия Игнатьевича, но был вхож в его семью, и мне не раз доводилось слушать, как он читал стихи своим внукам, а читал он их великолепно, как настоящий актер – для каждого персонажа, фигурировавшего в них, он находил свою интонацию. Менялся и тембр голоса. В общем, это был своеобразный театр одного актера. Массу стихов – Пушкина, Лермонтова, Некрасова, Тютчева, Фета, Блока, Гумилева – он знал наизусть. Среди поэтов особо выделял Сергея Есенина и его цикл «Москва кабацкая», а среди писателей – Льва Толстого. С уверенностью можно сказать, что Мефодий Игнатьевич был настоящим толстовцем, полностью разделявшим философию и взгляды великого писателя. Более того, он придерживался их в своей жизни. Высоко ценил он и творчество Гоголя, Тургенева, Достоевского, Островского, Чехова, Горького, Куприна, Андреева.

Но не нужно думать, что старый учитель не интересовался современной литературой – он внимательно следил за новинками художественной литературы, особенно, в пору «хрущевской оттепели». Не прошли мимо его внимания стихи поэтов-шестидесятников – Евтушенко, Вознесенского, Рождественского. Однако особый отклик в его душе нашли романы и повести Михаила Дудинцева («Ни хлебом единым»), Александра Солженицына («Один день Ивана Денисовича»), Чингиза Айтматова («Джамиля», «Первый учитель», «И дольше века длится день»). С большим вниманием вчитывался он в строки произведений Айтматова. Более того, он проанализировал их с точки зрения русской стилистики и грамматики и написал о своих наблюдениях писателю. У Мефодия Игнатьевича было две страсти – охота и игра на скрипке.

Возвращаясь к школьным годам, невольно вспоминается забавный эпизод, случившийся, кажется, в 1952–1953 учебном году. Однажды мы с другом Витей Сухомлиновым сбежали с урока. Побродив немного вокруг школы – а это было зимой – решили немного погреться, а заодно и попить воды в школьной умывалке – небольшой комнате, находящейся рядом с дверью, выходившей во двор. Здесь было тепло, но опасно – в любую минуту мог зайти кто-нибудь из учителей или (не дай Бог!) директор или завуч. Больше всего мы боялись нового завуча по имени Мефодий. Он был грозой для школьных сорванцов и хулиганов.

– Послушай, Витя, – сказал я, – давай уйдем отсюда, а то еще Мефодий придет...

– А я уже здесь! – вдруг раздался вкрадчивый голос.

Мы обернулись и обмерли: в дверях стоял Мефодий собственной персоной. Ехидно улыбаясь, он с явным коварством наслаждался произведенным эффектом. Однако немая сцена продолжалась недолго. Не давая нам опомниться, Мефодий решительно сорвал с наших голов шапки и со словами «Марш за родителями!» скрылся в дверном проеме.

Мы не знали, что делать. Неужели придется бежать за родителями? Выглянув в коридор, мы увидели, что наш обидчик, держа в каждой руке по шапке, скрылся в своем кабинете. Мы реши-

ли дожидаться перемены. Вскоре раздался звонок, и школа ожила. Смешавшись с другими учениками, мы робко приблизились к кабинету завуча. Дверь была открыта, кабинет пуст, а наши шапки спокойно лежали на сейфе. Смелый Витька, недолго думая, схватил шапки и был таков. С тревогой в сердце мы ждали возмездия, но оно не последовало: Мефодий, скорее всего, просто забыл.

Не менее заметный след в деле воспитания и образования школьников оставила Евпраксия Павловна Масленникова. Что бы не говорили об ее властности и деспотизме, но научить детей правильно говорить и писать по-русски она умела – это бесспорный факт. Более того, учительница приучала своих воспитанников к труду и дисциплине, к осознанному пониманию значения овладения знаниями. Даже много лет спустя после окончания школы ее бывшие ученики с благодарностью вспоминают свою учительницу. В числе их – видный ученый-экономист, академик Турар Койчуев. Вот строки из его воспоминаний:

В старших классах нам преподавала русский и литературу великая, на наш взгляд, учительница с громадным, ещё дореволюционным опытом и огромными литературными знаниями, по-дворянски элегантная Евпраксия Павловна Масленникова, которая оценивала мои сочинения только на «5», утверждая, что они лучшие в классе.

У Евпраксии Павловны учился и преподаватель физики, талантливый литератор Вадим Денисов. В автобиографической повести «Мальчишки» он целых восемь страниц посвятил своей учительнице русского языка. Ему удалось воссоздать весьма колоритный, психологический портрет учительницы, показать, сколько труда и усилий приходилось прилагать ей, чтобы направить необузданную энергию целого класса мальчишек в нужное русло. И это ей удавалось, причем блестяще. В результате всего лишь за один год учебы в шестом классе все ребята научились грамотно писать, потому что заученные правила прочно теперь впитались в их сознание. И не случайно, начиная свой рассказ о любимой учительнице, Вадим Денисов восклицает: «Евпраксия Павловна!.. Это – целая эпоха в жизни класса!»

Безусловно, это были лучшие учителя и не только школы, но и города и, возможно, республики. Наряду с ними в школах преподавали учителя самой разной квалификации и уровня подготовки. Среди них встречались порой и те, кому было бы лучше подыскать себе другую профессию. Но ничего не поделаешь: хороших педагогов в те годы было мало, вот и учили нас «кто-нибудь и как-нибудь». Помню, как после Евпраксии Павловны, которая преподавала у нас всего одну четверть, в классе появился новый учитель русского языка. Это был прелюбопытнейший тип – звали его Сергей Федорович. Маленького роста, сморщенный, в очках, он был уже далеко не молод и большую часть времени пребывал в благодушном настроении. Свой предмет Сергей Федорович знал, скажем, неважнецки. Поговаривали, что за диктант, написанный им при проверке учителей, организованной Отделом народного образования, он схватил «пару». Но мы, ученики, конечно, этого не знали и верили своему чудаковатому учителю.

Сергей Федорович был вспыльчивым человеком – вывести его из себя не составляло особого труда. Более того, как большинство низкорослых людей, он был обидчив и злопамятен. С обидчиками он расправлялся по-своему. Например, подходил к парте, за которой сидел допекавший его ученик, и как бы случайно клал свою грубую мужскую длань на хрупкую руку проказника. Затем, продолжая что-то объяснять, он наваливался на эту руку всей тяжестью своего тела. Кисть ребенка, прижатая к парте, оказывалась, словно под прессом. Оробевший проказник пытался освободиться, но не мог, а мучитель продолжал давить, искоса поглядывая на свою жертву. На глаза ребенка наворачивались слезы, но коварный учитель, наслаждаясь местью, все еще не прекращал пытку. Наконец, экзекуция завершалась, и удовлетворенный педагог, как ни в чем не бывало, продолжал урок. Естественно, никто ничего не замечал. Были у него и другие способы физического воздействия – тычки, подзатыльники.

Оригинальны были и методы преподавания учителя. Как-то Сергей Федорович объяснял спряжение глаголов. Там были какие-то исключения, которые нужно было заучить – семь глаголов

на *-еть* и четыре – на *-ать*. Чтобы их легче было нам запомнить, изобретательный педагог разыграл для нас целую сценку:

– Вот четыре глагола на *-ать*: слышать, дышать, держать, гнать. Вы должны их запомнить. Представьте: я сижу за столом и объясняю урок, а Спигин – известный хулиган и бездельник – разговаривает и мешает мне. То, что он болтает, я *слышу*, – и Сергей Федорович загибает первый палец.

– Я хмурю брови, стучу по столу карандашом, но Спигин не унимается. Я начинаю взволнованно *дышать*, – продолжает учитель и загибает второй палец. – Затем я подхожу к нарушителю и поднимаю его с парты, *держу* его за воротник. – В ход идет третий палец.

Увлечшись рассказом, Сергей Федорович и в самом деле подходит к Спигину и хватает того за шкирку. Спигин с удовольствием «подыгрывает» учителю. Далее Сергей Федорович ведет ученика через весь класс к двери и сильным толчком руки вышвыривает его вон из класса. Спигин чуть ли не лбом раскрывает дверь и с грохотом вылетает в коридор

– И *гоню* его прочь! – завершает свой рассказ находчивый учитель.

Довольный собой, Сергей Федорович с победным видом оглядывает класс и возвращается за свой стол. Звенит звонок – урок окончен.

Одноклассники

Раз уж речь зашла о учителях, то, наверное, вполне уместно поговорить и об их питомцах, вернее, о лучших из них. Среди моих одноклассников было немало способных ребят, которые, успешно окончив школу, а затем и вуз, стали известными личностями. Безусловно, пальма первенства принадлежала здесь Алексею Фридману, ставшему ученым с мировым именем. Наряду с ним были и другие способные ученики, сумевшие проявить себя в самых различных сферах жизни.

Один из них – Улан Токомбаев, сын народного поэта Киргизстана, академика Аалы Токомбаева. Правда, в школе Улан не отличался особыми талантами, хотя читал много, увлеченно

занимался спортом. Его дар раскрылся позже, после окончания сценарного факультета ВГИКа. Токомбаев писал стихи на русском языке под псевдонимом Улан Шер, часто на темы искусства, творчества. Его поэтический сборник с дарственной надписью «Ласка» (1988) я бережно храню в своей библиотеке. Бесспорно, Улан был неординарной, тонко чувствующей личностью, но, к сожалению, рано ушел из жизни.

Сыном поэта был и Кулубек Боконбаев. Памятник его отцу – Джоомарту Боконбаеву – уже в те годы стоял на бульваре Держинского в ста метрах от нашей школы. Кулубек тоже проявил себя как творческий человек, хотя основной его профессией была геология. Доктор наук, одно время занимавший пост министра экологии, Боконбаев писал не только научные труды, но и прозу – рассказы, очерки, эссе, а однажды даже выступил в качестве автора балетного либретто.

Немало одаренных ребят училось и в параллельных классах или классом ниже. В их числе – выдающийся оперный певец Булат Минжилкиев, известный кинорежиссер Болот Шамшиев, талантливые журналисты Александр Баршай и Валерий Сандлер. Яркие личности были и среди выпускников старшего поколения, окончивших школу в конце 40-х – середине 50-х годов. Среди них – ученый-философ, член-корреспондент НАН КР Арон Брудный, летчик-испытатель Валентин Перов, биолог Алексей Турдаков, экономист Турар Койчужев и многие другие.

Говоря об одаренных ребятах, мне хотелось бы выделить Бориса Кочнева. Это был невысокий, худощавый паренек, с одухотворенным лицом и пытливым взглядом. Учился Борис хорошо, но медалистом почему-то не стал, хотя по своим знаниям намного превосходил всех одноклассников. Его любимым предметами были история и литература, а увлечениями – археология, нумизматика, туризм. Еще в шестом или седьмом классе Борис стал посещать археологический кружок Дворца пионеров и очень преуспел на этом поприще. Боря запоем читал историческую литературу по Древнему Востоку, но более всего его волновала эпоха Караханидов. Как-то Борис принес в класс караханидскую монету, которую он нашел в зоне археологических раскопок. Дело

в том, что каждое лето наш одноклассник проводил в экспедициях, организованных местными археологами, в которые включались и наиболее активные члены кружка из Дворца пионеров. Мы с интересом разглядывали эту потертую медную монету с какими-то загадочными надписями, напоминавшими арабскую вязь. Однако Кочнев уже кое в чем разбирался: он назвал и ее достоинство, и правителя, в эпоху правления, которого монета была отчеканена. Позже Борис увлекся нумизматикой, и та караванская монета положила основу его коллекции.

Каждую осень Боря, или как мы его обычно называли Кочан, появлялся в классе заметно повзрослевшим и физически окрепшим. Его обветренное загорелое лицо говорило о постоянном пребывании на открытом воздухе под палящими лучами южного солнца. Кто-то из нас все еще отдыхал в пионерских лагерях или проводил лето с родителями на Иссык-Куле, а Боря тем временем в поте лица трудился на раскопках каких-то древних курганов. Все светлое время он находился на объектах, а по вечерам читал книги и слушал рассказы бывалых археологов. Мы, в свою очередь, раскрыв рты, слушали Бориса и откровенно завидовали ему. Иногда наш рассказчик смолкал, и его затуманенный взор говорил о том, что в мыслях своих он переносился в далекое прошлое...

Позже, кажется, уже после окончания школы, Борис попал в подводную экспедицию, которая обследовала дно озера Иссык-Куль. Говорили, что в хорошую погоду на дне озера можно увидеть остатки фундаментов каких-то построек и даже мощные мостовые. Возможно, что в прошлом озеро было мельче, а потом вода поднялась и затопила поселение, а может быть, произошли какие-то катаклизмы. Так или иначе, но наш одноклассник был участником экспедиции и своими глазами видел то, что было скрыто от других толщей воды. С примитивным оборудованием, без каких-либо гидрокостюмов, он с товарищами нырял в холодную иссык-кульскую воду (а на глубине она была просто ледяной) и пытливым образом обследовал останки древних строений. Через какое-то время пребывание в воде становилось невыносимым: чтобы избежать переохлаждения ныряльщики выскакивали на берег и ложились в ванны с подогретой водой. Так продолжалось несколько раз, а на следующий день все повторялось снова.

Кроме занятий в кружке археологии, Борис увлекался горным туризмом. В те годы этот вид спорта был очень популярен среди школьников и молодежи. Существовало множество секций и кружков, специализировавшихся на организации туристических походов по самым различным маршрутам, но, главное, были прекрасные руководители – подлинные энтузиасты и мастера своего дела. Одним из них был мастер спорта СССР Боривой Рудольфович Маречек, сын чешского коммуниста, члена кооператива «Интергельпо», приехавшего в Киргизию в 1925 году. Вместе со своим инструктором, юные туристы, среди которых были Борис и еще один наш безвременно ушедший из жизни одноклассник – Эрик Сафаргалиев, исходили вдоль и поперек все близлежащие горные массивы.

Почти все девочки класса были влюблены в Борю, но он их словно не замечал. А любить Борю было за что – он был строг, симпатичен, опрятен, скромен и умен. Его ответы на уроках всегда были точны и исчерпывающи. Мне кажется, что некоторые учителя даже побаивались своего ученика за его эрудицию, по крайней мере, в полемику с ним они старались не вступать.

Второй страстью Бориса была поэзия русского декаданса. В школьной программе тех лет изучалось лишь творчество Маяковского, Блока, отчасти, Есенина. О других поэтах «серебряного века» упоминалось лишь вскользь, а творчество поэтов-символистов охарактеризовывалось как «реакционное» и «упадническое». Не учителя литературы, а именно Борис познакомил меня и некоторых моих одноклассников с лучшими образцами поэзии Брюсова, Бальмонта, Ахматовой, Городецкого, Асеева, Гумилева, Пастернака. Не знаю почему, но больше всего наш друг увлекался поэзией футуристов – Маяковского, Каменского, Бурлюка, Хлебникова, Северянина. Может быть, ему импонировал бунтарский дух, присущий творчеству этих поэтов? Он буквально упивался музыкой и ритмом стихотворений, цитируя их наизусть. До сих пор у меня в ушах звучит голос Бориса, декламирующего стихотворение Игоря Северянина «В блестящей тьме»:

В смокингах, в шик опроборенные, великосветские олухи
В княжьей гостиной наструнились, лица свои оглупив.
Я улыбнулся натянуто, вспомнил сарказмно о порохе;
Скуку взорвал неожиданно нео-поэзный мотив.
Каждая строчка – пощечина. Голос мой – сплошь издеватель-
ство.

Рифмы слагаются в кукиши. Кажет язык ассонанс.
Я презираю вас пламенно, тусклые ваши сиятельства,
И, презирая, рассчитываю на мировой резонанс!

Как это было непохоже на преподаваемую нам литературу!
Через одного из одноклассников, сына военного, Борис отыскал
в библиотеке Дома офицеров пятитомник Хлебникова. В то вре-
мя это был настоящий антиквариат. Все футуристические изыс-
ки мастера русской словесности содержались в этом издании.
Я выпросил у Бориса на пару дней один из томов и переписал
в общую тетрадь несколько стихотворений поэта. Любовь Бори-
су к поэзии, я думаю, привил его отец – образованнейший че-
ловек, корреспондент газеты «Советская Киргизия», писавший
обычно на темы культуры и искусства.

В школе за Кочневым прочно закрепилась слава эрудита. Он
хорошо знал не только русскую, но и зарубежную литературу.
Круг авторов, интересовавших его, был довольно широк: О’Ген-
ри, Эдгар По, Вашингтон Ирвинг, Кнут Гамсун, Роберт Бёрнс,
Франсуа Вийон, Джером К. Джером и др. Одно время он букваль-
но зачитывался Оскаром Уайльдом, причем не просто читал,
а делал выписки, что-то даже заучивал наизусть. Как-то Борис
показал мне тетрадь с выписками из «Портрета Дориана Грея» –
их там было не менее пятидесяти, а может, и больше. Подбор ци-
тат говорил об исключительном вкусе читателя, его умении под-
метить главное: глубину мысли, оригинальность высказывания,
изящность формы.

Окончив школу, Борис Кочнев поступил на исторический
факультет КГУ, но вскоре перевелся в Узбекский государствен-
ный университет, где стал изучать археологию под руководством
крупнейшего специалиста в области истории и археологии Цент-
ральной Азии, профессора М. Массона.

Позже мне стало известно, что Борис успешно защитил кандидатскую диссертацию и переехал жить в Самарканд, где вел активную научно-исследовательскую деятельность. Он участвовал в ряде археологических экспедиций, а затем полностью посвятил себя изучению нумизматических находок Караханидского царства. Кочнев сделал ряд важных научных открытий, что нашло отражение в его докторской диссертации (1993). Впоследствии я узнал, что жизнь талантливого ученого, автора около 200 научных работ, оборвалась: Борис Дмитриевич Кочнев умер в возрасте шестидесяти одного года в госпитале города Хайфа (Израиль). До самых последних дней, страдая от тяжких болей, он продолжал трудиться над монографией, итогом всего его жизненного пути – «Нумизматическая история Караханидского каганата (991–1209)». И только тогда, когда была поставлена последняя точка, он позволил себе расслабиться...

Наш класс, как и вся республика, был интернациональным по составу. Поскольку преподавание в школе велось на русском языке, естественно, что большинство учащихся были русские. Вместе с ними учились и представители других народов, владевшие этим языком – киргизы, татары, украинцы, евреи и др. Жили дружно, никаких конфликтов на межнациональной почве никогда не возникало. Но вот однажды произошел чрезвычайный случай, появление которого трудно было даже представить. Учился с нами в классе скромный, тихий паренек Костя Г., еврей по национальности. Учился неплохо, ни с кем не конфликтовал, в общем, был такой же, как и все. Не знаю, как это случилось, но однажды после перемены, мы вошли в класс почти одновременно с учителем. То, что мы увидели, было просто ужасно: к деревянной вешалке был привязан наш Костя, причем его ноги находились примерно в полуметре от пола. Мальчик явно был напуган, но почему-то застенчиво улыбался – видно, ему было неудобно, что мы застали его в таком виде.

Но самое главное: на груди у него висела табличка с надписью: «Бей жидов, спасай Россию!» Кто это сделал, мы так и не узнали, хотя догадывались, а сам пострадавший молчал. Самое удивительное, что дело замяли – оно не получило огласки, а ви-

новники не были наказаны. Дирекция школы ограничилась тем, что несколько одноклассников, в том числе и я, были посланы к Косте в дом, где от имени класса принесли своему товарищу и его родителям извинения. Мать Кости грустно улыбалась – она все прекрасно понимала и, наверняка, знала, что пришли те, кто не был причастен к глумлению над ее сыном. Она простила. Все это произошло в то время, когда гонение на «безродных космополитов» не осуждалось государством – свежо еще было в памяти дело о кремлевских «врачах-убийцах». Ну, а Костя успешно окончил школу, институт; кажется, он стал инженером-автомобилистом. В республиканских газетах нередко появлялись его заметки по проблемам дорожного движения.

В компании с Буратино и папой Карло

Осенью 1960 года я стал работать в Республиканском театре кукол, который находился рядом с нашим домом, по другую сторону «Дзержинки». Раньше здесь располагалась филармония, но она совсем недавно переехала в новый концертный зал, а освободившиеся помещения были переданы театру кукол.

В театр я попал, можно сказать, случайно. Однажды я встретил своего знакомого Володю Перекатова, который учился на вокальном отделении музыкального училища. Из его рассказа я узнал, что училище он бросил и теперь работает в театре кукол. «Если хочешь, я поговорю с режиссером; театру, вроде, нужны актеры-кукловоды – у нас ведь мужчин мало», – предложил Володя и добавил, улыбнувшись: «Будем работать вместе». Предложение меня заинтересовало (я как раз искал работу), и в назначенное время пришел в театр. Режиссер – импозантный, несколько полноватый мужчина лет пятидесяти по фамилии Бабушкин, – поговорив со мной, дал задание: подготовить какую-нибудь сценку или прочесть стихотворение. Я выбрал басню Сергея Михалкова «Толстый и тонкий» и, выучив ее наизусть, снова предстал перед режиссером. Стараясь говорить как можно выразительнее, время от времени меняя интонацию, я продекламировал басню. Потом Бабушкин попросил меня изобразить опаздывающего на поезд пассажира, который пытается купить без очереди билет

в железнодорожной кассе. По-моему, эта мизансцена получилась у меня не очень убедительной, но, тем не менее, я был принят в труппу на должность актера-кукловода. Так началась моя артистическая карьера, которая продолжалась всего лишь один театральный сезон.

Работать в театре было интересно. Здесь для меня все было ново – читка пьесы, работа над ролью, репетиции, спектакли, коллеги-актеры, наконец, сама неповторимая атмосфера театра. Репертуар отличался разнообразием и включал не менее десяти детских спектаклей: «Сказка о потерянном времени», «Иван – крестьянский сын», «Честное слово», «Три поросенка» и др. В театре работало две труппы – киргизская и русская. В русскую труппу входило девять актеров, и среди них только трое мужчин. Несмотря на разницу возраста, коллектив был дружный. Ветеранами театра были актеры Е. Полоцкая, А. Усольцева, В. Зиновьева, Н. Самородов. Далее шли артисты, кому было за тридцать – Р. Полякова, В. Добросельская. Самыми молодыми, двадцатилетними были мы с Володей и Валя Елисеева – впоследствии режиссер, заслуженная артистка Кыргызской Республики (по мужу – Аникова), до самого выхода на пенсию проработавшая в театре.

Самой колоритной фигурой труппы была Вера Евсеевна Зиновьева. Худая, морщинистая, не выпускавшая папиросу из рук, она прошла через фронт и, вообще, многое повидала в своей нелегкой жизни. Вера Евсеевна говорила с хрипотцой, и лучшей исполнительницы роли Бабы-Яги в театре не было. Будучи доброй по натуре, обладая чувством юмора, она располагала к себе людей и в любой компании была «душой общества».

Как в любом другом театре, в труппе не обходилось без интриг, но мы, молодые актеры, старались держаться подальше от них. Далеки от них, как мне тогда, казалось, были и ведущие артистки труппы Полоцкая и Полякова; своей корректностью, незаносчивостью, а главное, серьезным отношением к делу, они вызывали общее уважение.

И вот – моя первая роль: Кот в спектакле «Честное слово». Игра в кукольном театре имеет свою специфику: зрители видят только кукол, а актеры скрыты за ширмой высотой в один метр

семьдесят сантиметров. Так что, высоким актерам приходится нагибаться, а низкорослым – надевать на обувь деревянные колодки, так называемые котурны. Таким образом, действие на сцене происходит чуть выше головы актера, а кукол держат на поднятой вверх правой руке. Голова куклы одевается на указательный палец, а большой палец и мизинец управляют руками. Техника несложная, но к ней надо привыкнуть. Не прошло и трех недель, как я уже проворно передвигался по сцене между декорациями, а мой «герой» творил на видимом зрителю пространстве всякие пакости: Кот, верный помощник Бабы-Яги, был отрицательным персонажем.

На стационаре, то есть в самом театре, мы выступали сравнительно редко – чаще выезжали в города и села Чуйской долины. Ездить мне нравилось: новые места, новые впечатления. И еще возможность делать покупки. В те годы на периферии, особенно в городках, где находились режимные предприятия, можно было приобрести дефицитные товары. Одно из таких предприятий (завод по обогащению урана) находилось в южной части города Кара-Балта и называлось Кош-Тегермен. Въезд туда был по пропускам, но в начале 60-х годов объект рассекретили.

Соцгородок поражал: вы словно попадали в другой мир. Все здесь было чистым и ухоженным – улицы, дома, скверы. Дворец культуры, в котором мы выступали, очень напоминал наш оперный театр, а общественная столовая дала бы фору любому фрунзенскому ресторану, не говоря уже о ценах: все здесь стоило копейки. Но больше всего нас поразили магазины – в них можно было купить то, что во Фрунзе днем с огнем не найдешь: модную одежду, качественную обувь, всевозможные продукты, включая деликатесы, например, зернистую икру. Снабжение в соцгородке было московским.

Но актеры театра кукол – народ бедный, на свою нищенскую зарплату они могли купить лишь что-то по мелочам. Вот и ходили мы перед спектаклем по магазинам, любуясь всем этим изобилием. Кто-то из женщин, заняв у администратора деньги, купил импортные туфли, кто-то блузку, а большинство ограничились приобретением продуктов. Я купил полкило московских кон-

фет: «Мишка косолапый», «Стратосфера», «Ну-ка, отними», «Кара-Кум», «Пралине» – каждого сорта по сто граммов: на большее денег у меня не было.

В это время театр кукол приступил к работе над постановкой спектакля для взрослого зрителя «Чёртова мельница» по пьесе Исидора Штока. До этого в нашем театре ставились лишь детские спектакли. На спектакль возлагал большие надежды недавно приглашенный во Фрунзе из центра режиссер Матвей Евсеевич Бабушкин, решивший удивить нашу публику экстравагантным спектаклем, в котором он сам должен был выступить в роли одного из главных героев пьесы – ханжи Отшельника. Поэтому к постановке готовились с особой тщательностью. Куклы были заказаны в театре Образцова в Москве; там же разрабатывались эскизы декораций. Над музыкальным оформлением спектакля трудился известный в республике музыкант, бывший оперный певец Борис Костромитинов. Вскоре состоялось распределение ролей. Главная роль – посланца ада Люциуса досталась Володе Перекатову. Это был чёрт-джентльмен, одетый во фракную пару, с цилиндром на голове. Он был молод, элегантен, ироничен, в меру циничен. Свою речь он пересыпал французскими словечками. В других ролях были заняты актеры Самородов (Солдат), Полякова (принцесса Дишперанда), Добросельская (Кача), Елисеева (Люля), Зиновьева (один из чертей). Мне же предстояло сыграть персонажа попроще – чертёнка по прозвищу Карборунд.

Как только куклы были готовы, труппа приступила к репетициям. Они выглядели потрясающе – московские художники блестяще справились со своей работой. Это были так называемые «тростевые» куклы, по размерам гораздо больше «петрушек»: куклу держат в одной руке, а другой рукой, с помощью тростей, управляют движениями ее рук.

Большую работу по музыкальному оформлению спектакля провел музыкальный руководитель театра Борис Александрович Костромитинов. Перед ним стояла непростая задача: среди прочего нужно было сочинить музыку и слова для молитвы Отшельника – персонажа недалекого, плутоватого и честолюбивого. С музыкой особых затруднений не было, но как быть с текстом?

Его же нужно сочинить на латыни! И тут маэстро осенило: он вспомнил кое-какие музыкальные термины на итальянском языке, который по сути та же латынь. Остальное было лишь делом техники. В результате получилось следующее:

О, домине, крещендо о нон диминуэндо.
Анданте долорозо, о сальве глория!

И так далее. Разумеется, это был бессмысленный набор слов, хорошо известных любому музыканту, но для характеристики сатирического персонажа вполне подходило. Артисты на репетициях, а затем и зрители на спектакле смеялись от души...

Незадолго до начала постановки в нашу труппу прибыл новый актер. Он приехал из какого-то небольшого театра российской глубинки, и звали его Александр Иванович. Это был худой невзрачного вида человек с тонкой шеей и по-юношески озорными глазами. На вид ему было где-то за пятьдесят. Приехал он с небольшим чемоданом, в котором имелось всего по одному: один костюм, одно пальто, одни туфли и т. д. Александр Иванович был холост, беден, но это его не очень огорчало. Жалование он получал мизерное, которого едва хватало на еду и покупку самых необходимых вещей, но актер был непривередлив, экономен и умудрялся даже что-то отложить на «черный день». Чтобы не тратиться на квартиру, он ночевал в театре, прямо на стульях зрительного зала, а питался в дешевых студенческих столовых, где хлеб тогда не включался в стоимость обеда, и его можно было есть сколько угодно. Когда пошли дожди, Александр Иванович надел издававшие виды галоши – и как раз вовремя, поскольку туфли прохудились и стали «просить каши». Кажется, такой человек должен был вызывать сочувствие, но, увы, в силу своего вздорного, неуживчивого характера, сочувствия коллег он как-то не вызывал.

Работу в театре Александр Иванович начал с конфликта. Побывав на нескольких репетициях «Чёртовой мельницы», он решил, что роль Отшельника сыграет гораздо лучше, чем Бабушкин, который, кстати, был отличным актером. Желая восстано-

вить справедливость, Александр Иванович написал жалобу то ли в профком, то ли в республиканское министерство культуры и потребовал, чтобы роль отдали ему. После сдачи спектакля собрался художественный совет театра, и претенденту дали возможность показать свое мастерство. Но бедному кукловоду не повезло – его интерпретация оказалась ниже всякой критики. Пришлось ему довольствоваться второстепенными ролями: Волка, Лешего, Козла и прочих малопривлекательных персонажей детского репертуара.

Премьера спектакля прошла успешно – зал был почти полон, а среди зрителей было много приглашенных. Мы играли с большим подъемом и воодушевлением – ведь это был наш первый спектакль для взрослых, причем музыкальный. Пьеса изобиловала множеством остроумных, комедийных моментов, особенно в сценах с Отшельником и чертями, что делало спектакль живым, динамичным. Лавры первенства, конечно, принадлежали Бабушкину и Перекатову.

Весной наш театр выехал на гастроли в Пржевальск (ныне – Каракол). Вот тут-то и произошел забавный случай с нашим героем. К тому времени за Александром Ивановичем, с легкой руки уважаемой Веры Евсеевны, прочно закрепилось прозвище Лохамындрик. Разумеется, так его звали только за глаза. В спектакле «Честное слово» Лохамындрик играл отрицательную роль – Волка. Незадолго до развязки Медведь прогоняет из лесу злого Волка. Случилось так, что на одном из спектаклей актер, игравший Медведя, вошел в роль и со словами «Ах ты, серый разбойник! Такая хорошая девочка к нам в лес пришла, а ты так гостей принимаешь?» ударил Волка (разумеется, куклу) палкой по морде, при этом нечаянно брызнул слюной на своего партнера. Мнительный Александр Иванович решил, что коллега нарочно плюнул ему в лицо и ответил ему тем же, сопровождая свое действие гневной тирадой, сказанной, правда, в полголоса (чтобы зрители не услышали). «Медведь» возмутился и резко оттолкнул обидчика. Александр Иванович сделал шаг назад, зацепился ногой за стоящую на штативе декорацию и с грохотом рухнул на сцену. Декорация, изображавшая фрагмент леса, последовала за ним. Дети,

находившиеся в зале, были в восторге. Коллеги помогли «Волку» подняться, с трудом его успокоили и тот, все еще кипя от возмущения, пошел приводить себя в порядок. Его падение произошло из-за котурнов – специальных деревянных колодок, которые низкорослые актеры привязывают к своим ногам для увеличения роста, иначе бы они не дотягивались до уровня ширмы. После спектакля состоялась разборка инцидента. Лохамындрик, конечно, был не прав – это было ясно всем. Актеров с трудом примирили, но «Волк» затаил в своем сердце обиду на «Медведя». Вскоре гастролы закончились, а еще месяц спустя Александр Иванович уволился из театра и поехал искать счастья в каком-то другом театре. О его отъезде никто не жалел.

Вскоре после завершения гастрольной поездки я ушел из театра, а еще через пару месяцев поступил в музыкальное училище им. М. Куренкеева.

Слушаем радио

Одним из средств связи с внешним миром и источником информации было в те годы радио. Во многих квартирах оно работало почти не смолкая. Оно и понятно: радио в какой-то мере скрашивало серое однообразие нашей жизни. Помню, как у нас на стене рядом с входной дверью висел большой черный репродуктор круглой формы – он достался нам от прежнего жильца. Никак не гармонирующий с обстановкой квартиры, своим ужасным видом он наводил тоску. Тем не менее, слушали его с удовольствием: отец – последние известия и прогноз погоды, мама – музыкальные передачи, я – то, что придется. Позже мы купили другой, более эстетичный и более компактный репродуктор из пластмассы, с выключателем и регулятором громкости.

Радиовещание велось на двух языках – русском и киргизском. Наряду с передачами Всесоюзного радио, работало и республиканское вещание. Передачи были самые разнообразные. Кроме обзора новостей, официальной хроники, часто передавали музыку, причем самых разных жанров – от классической до народной и популярной. Были и литературные передачи, инсценировки, радиоспектакли. Для детей читали сказки. Помню, как

я с большим интересом слушал сказку Пушкина о рыбаке и рыбке, причем на киргизском языке. Кое-что я понимал, как-никак, а киргизский язык в школе тогда еще преподавали, да и содержание сказки мне было известно, а посему нетрудно было догадаться, о чем идет речь. «Эй, алтын балык!» – зывал старик, стоя у синего моря. «Эмне, абышка?» (Что тебе, старче?) – отзывалась приплывшая из вод морских золотая рыбка...

Неизменной любовью слушателей пользовались музыкальные передачи, особенно концерты по заявкам радиослушателей. Моя бабушка, к примеру, обожала слушать песни и оперные арии в исполнении Козловского, Лемешева, Виноградова. Мне же, в те подростковые годы, больше нравились веселые, как бы сейчас сказали, «прикольные песни». Одна из них – задорная «Ах, Самара-городок», которую исполняла молодая казахская певица Роза Бакланова. Другая – не менее зажигательная «Мальчик веселый из Карабаха» из репертуара популярного опереточного певца Владимира Канделаки. Ходила даже байка, в которой фигурировали оба исполнителя этих песен. Услышал, якобы, Канделаки, как зывала Роза в своей песне «Ах, Самара-городок, беспокойная я – успокой ты меня», и тут же дал ей совет: «приезжай, дорогая, к нам на Кавказ – успокоим!»

Еще мне нравились выступления солиста нашего оперного театра, неподражаемого исполнителя народных, шуточных песен Асека Джумабаева. В его репертуаре была песня под названием «Шестнадцать девушек». «Почему шестнадцать?» – спросит вы. А потому, что в составе СССР того времени было шестнадцать союзных республик, одной из которых была Карело-Финская ССР (позже ее лишили этого статуса), и наш герой был влюблен в лучших представительниц всех шестнадцати республик. Естественно, песня исполнялась на киргизском языке, и лишь одна фраза, но она была ключевой, звучала на русском: «Я люблю тебя, Маруся!». Комический эффект вызывало и перечисление имен девушек – объектов страсти любвеобильного джигита.

По радио часто звучали замечательные лирические песни композитора-самородка Атая Огонбаева – «Ой, булбул». «Эсимде», «Куйдум чок». Они пользовались огромной популярностью

у слушателей, особенно, «Ой, булбул» («Соловей») – не было, пожалуй, в республике человека, который не знал бы ее. Не менее популярным был его наигрыш на комузе «Маш ботой». Наиболее ярко и зрелищно он звучал в исполнении ансамблей комузистов. А в наше время его можно услышать и на фортепиано в блестящей обработке композитора Михаила Бурштина.

В свои музыкальные программы республиканское радио включало и произведения классики, в том числе и сочинения первых киргизских профессиональных композиторов – А. Малдыбаева, П. Шубина, М. Абдраева, А. Тулеева, Т. Эрматова, К. Молдобасанова. Особенно полюбили слушателям «Танец девушки-хлопкороба» безвременно ушедшего из жизни молодого композитора Сейдалы Медетова (он погиб в 1958 году в авиационной катастрофе) и «Вальс» из балета М. Раухвергера «Чолпон». А веселая песенка Аскара Тулеева про девушку-свекловичницу «Акбилек» была известна всей стране – она часто звучала в передачах Всесоюзного радио в исполнении его солистки Нины Поставничевой.

Судьбы моих ровесников

А как же сложилась жизнь моих друзей тех далеких 50-х годов прошлого века? К сожалению, не все их судьбы мне известны. К тому же, время неумолимо бежит вперед, и многих из них уже нет в живых.

Наверное, это закономерно, что дети нередко идут по стопам своих родителей. Поэтому неудивительно, что многие из моих сверстников посвятили свою жизнь научной или преподавательской деятельности. В их числе Михаил Зима и Максут Сартбаев (геологи), Светлана Алиева (филолог), Тамерлан Фриев (почвовед), Руслан Алиев (инженер), Мидиль Джамгырчинов (историк), Лариса Джамгырчинова (искусствовед), Дамира Кулдашева (педагог), Юрий Богуславский (физик), Маден Сартбаев (химик). Почти все они защитили кандидатские диссертации, а братья Максут и Маден Сартбаевы – еще и докторские.

Виктор Сухомлинов стал хорошим архитектором: дома по его проекту стоят не только в столице, но и в других городах быв-

шего Советского Союза. Известным критиком и публицистом стала Светлана Алиева, кандидат наук, автор многих книг и научных исследований. Они жили и трудились в Москве. Дочь Азиза Нарынбаева – Зайтуна, блестящая пианистка, получившая высшее музыкальное образование в Московской консерватории им. Чайковского, была удостоена почетного звания заслуженной артистки Кыргызской Республики; ныне она профессор Национальной консерватории.

Мой близкий друг Алмабек Баимбеков родился пятого мая, и эта дата каким-то чудесным образом повлияла на выбор его будущей профессии – он окончил Московский полиграфический институт и стал полиграфистом. Таким образом, свой день рождения и профессиональный праздник «День печати» Алмабек отмечал всегда в один и тот же день – 5-го мая. Алмабек Иманкулович в течение многих лет работал главным инженером Издательства ЦК Компартии Киргизии, а затем директором типографии Национальной академии наук. Свое дело он знал отлично.

Прошли годы, и вскоре уже ничто не напоминало о том, что в этом трехэтажном здании когда-то жили люди. Большинство из них сейчас нет в живых. Эти люди – ученые, преподаватели и члены их семей – жили в нелегкие послевоенные годы. Жили, можно сказать, в спартанских условиях. И несмотря ни на что, трудились, созидали. Они сделали два великих дела: готовили высококвалифицированных специалистов самого различного профиля и вели серьезные научные разработки. Своим неустанным трудом они внесли весомый вклад в развитие отечественной науки и культуры.

Это было недавно, это было давно...

Время неумолимо бежит вперед. После описываемых нами событий минуло уже более шестидесяти лет. Безвозвратно ушли в прошлое булыжные мостовые, мощенные тем же булыжником арыки, по которым в теплое время года, весело журча, струилась стекающая с горных ледников вода. Нет уже домов с деревянными ставнями и резными наличниками, исчезли затейливые чугунные решетки, некогда украшавшие городские крылечки,

а если где-то они чудом и сохранились, то их надо еще поискать. Удивительно, но всё это каким-то образом сохранилось в Караколе, правда и там не обошлось без перегибов: были снесены старые купеческие ряды.

В Бишкеке снесли почти всё, что досталось ему в наследство от дореволюционного времени. Хорошо еще, что не тронули отреставрированный в 80-х годах дом городского старосты Терентьева. Всё остальное не пощадили, особенно одноэтажные постройки. А ведь можно было что-то и оставить как память об историческом прошлом города. Никто, наверное, не пожалеет сейчас о снесенных глинобитных мазанках и бараках – их в городе было более, чем достаточно, даже в самом центре, в непосредственной близости от кинотеатра «Ала-Тоо».

В 50-х годах и даже позже в киргизской столице нередко можно было встретить дома, крытые камышом. В те времена, когда они строились, камыш был самым дешевым материалом для строительства – его заросли вплотную подходили к городу с северной стороны. Сейчас единственное место, где можно увидеть такого рода крышу – это Дом-музей М. В. Фрунзе.

Конечно, жизнь не стоит на месте, постоянно что-то меняется, на смену одним реалиям приходят другие, новые, более совершенные, практичные. А что-то бесследно исчезает, как исчезли, к примеру, водопроводные колонки, а ведь совсем недавно их можно было встретить на многих улицах города. Или автомобили со спицами на колесах – мне как-то посчастливилось встретить такой раритет прямо перед своим домом на Дзержинке. Примерно в те же годы на городском базаре я стал свидетелем выступления бродячих цирковых артистов, так называемых «маскоробозов». Они бесстрашно ходили по канату с шестом, выполняя всякие рискованные трюки. Другой артист, одетый в наряд Арлекина, развлекал публику своими репликами и хождением на ходулях. Однако больше всех меня поразила немолодой, наголо обритый мужчина – на его голове другой артист раскалывал молотом кирпичи. Надо сказать, зрелище не для слабонервных. Где сейчас увидишь такое?

Давно уже исчезли и ассенизаторские обозы. Вы знаете, что это такое? Я тоже не знал, пока не увидел их собственными глазами. Мне было лет семнадцать. В тот вечер я немного припозднился, провожая свою девушку домой. Когда же мы расстались, было уже далеко за полночь, общественный транспорт не работал, поэтому пришлось идти пешком. Я шел по совершенно пустынным улицам, опасаясь встречи с нежелательными элементами. Вдруг я услышал слабый звук стука колес по булыжной мостовой. С каждым шагом звук этот усиливался, но было темно, и разглядеть, откуда он исходит, не было возможности. Неожиданно мой нос уловил весьма неприятный запах, который тоже усиливался по мере моего продвижения вперед. Наконец, он стал просто невыносимым, и мне стало ясно, что так могут пахнуть лишь растревоженные фекальные массы. Наконец, я увидел источник, откуда запах исходил. Это были огромные деревянные бочки на колесах, которые тащили за собой понурые клячи. Они медленно шагали одна за другой, чем-то напоминая похоронную процессию. Обоз, в котором было не менее пятнадцати бочек, двигался в тишине, нарушаемой лишь монотонным постукиванием колес. Из-за темноты невозможно было разглядеть самих «золоторей», наверное, они ехали, примостившись где-то около бочек. Зажав нос двумя пальцами, я поспешил свернуть в ближайший переулок.

Примет того времени было немало. Одна из них – репродукторы, установленные в местах массового скопления людей. Я никогда не забуду тот весенний солнечный день 12 апреля 1961 года, когда, подходя к пересечению бульвара Дзержинского с улицей Киевской, я услышал громкий голос диктора, доносившийся из установленного там репродуктора: «Работают все радиостанции Советского Союза. Передаем экстренное сообщение ТАСС». Это было сообщение о запуске космического корабля «Восток» с первым космонавтом на борту – Юрием Гагариным.

Кроме репродукторов в разных местах города устанавливались стенды, на которых каждое утро вывешивались свежие газеты. Таким образом, горожане, у которых не было средств на покупку газет (а стоили они копейки), могли читать их бесплатно – главное, чтобы все были в курсе жизни страны, возглавляемой политбюро ЦК КПСС.

Государство заботилось и о том, чтобы его граждане не слушали «вражеские голоса» – так тогда называли передачи радиостанций «Голос Америки», «Би-Би-Си», «Немецкая волна», «Свобода», вещавших на русском языке. С этой целью на большом пустыре, неподалеку от завода «Физприборы», были установлены мощные передатчики, которые нещадно глушили эти самые «голоса», дабы советские люди не проникались вредной и чуждой им идеологией.

Все это, впрочем, безвозвратно ушло в прошлое. Но от этого никуда не уйдешь – ведь это наша история, а ее нужно знать.

Литература

1. *Алиева С.* Запах фиалки // Литературный Кыргызстан. – 1988. – № 9. – С. 66–83.
2. Архив КНУ им. Дж. Баласагына. Личное дело Лайпанова Х.О.
3. *Воропаева В.А.* Российские подвижники в истории культуры Кыргызстана. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2005.
4. *Денисов Вадим.* Пыльца с цветов гербария. Повести и рассказы. – Бишкек: Илим, 2001.
5. *Ким Г.* Первый ректор. И самый главный // МСН. 2006. 30 мая.
6. *Колосенкова Е.* Памяти военков // Красная звезда. 13 января 2009 г.
7. *Кузнецов А.Г.* О себе, родителях и предках. История одного казачьего рода. – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2010. Кн.1.
8. *Кузнецов А.Г.* О себе, родителях и предках. История одного казачьего рода. Кн. 2 – Бишкек: Изд-во КРСУ, 2012.
9. *Кузнецов А.Г.* Булат Минжилкиев: очерк жизни и творчества. – Фрунзе: Адабият, 1991.
10. *Лайлиева И.* Непобежденный. Слово о моем отце // Слово Кыргызстана. – 2018, 24 апреля.
11. *Петров В.Г.* Дом на Киевской // Гора, приносящая счастье. – Бишкек: Раритет, 2013.
12. *Поляков Н.Н.* Воспоминания. Т. 1. На правах рукописи. – Астрахань, 2008.
13. *Тузов А.Л.* Общага для профессоров: было и такое // Вечерний Бишкек. – 2018, 4 мая.
14. *Тузов А.Л.* Машина времени профессора Кузнецова // Вечерний Бишкек. – 2019, 11 января.
15. Электронный ресурс: Данияров Н.Б. Забытый просветитель. URL: <http://Daniyarov.kg>
16. URL: <http://www.time.kg/istoricheskie.../3184-zima-boris-mihaylovich.html>
17. Электронный ресурс: URL: <http://igd.kg/ru/cathedra/gpi.html> (О Фриевых)

18. Электронный ресурс: URL: <http://kchr.ru/news/detailed/3365/> (О Лайпанове К. Т.)

19. Электронный ресурс: Александр Баршай. Евреи – Кыргызстану: От «А» до «Я». URL: <http://z.berkovich-zametki.com/2017-nomer11-12-barshaj/>

20. Электронный ресурс: Тангаев Игорь. Встреча с юностью.

21. URL: <https://www.proza.ru/2014/08/21/130>

22. Электронный ресурс: Турар Койчуев. URL: <http://slovo.kg/?p=99431>

Благодарности

Выражаю свою искреннюю благодарность заместителю главного редактора газеты «Вечерний Бишкек» Александру Леонидовичу Тузову, отредактировавшему журнальный вариант рукописи, который был затем опубликован в газете, и побудившего автора к дальнейшей работе над книгой; краеведу Владимиру Георгиевичу Петрову, первым прочитавшему рукопись очерка и давшему автору ряд ценных советов; заслуженному деятелю культуры Кыргызской Республики, журналисту Александру Зиновьевичу Баршаю, сделавшему объективный анализ книги; заслуженному учителю Кыргызской Республики, завучу по учебно-воспитательной работе школы-гимназии № 6 Наталье Петровне Зимфер, предоставившей автору архивные материалы по школе и ее истории; Андрею Игоревичу Батманову, поделившемуся с автором воспоминаниями о своем отце – академике Батманове и его окружении, а также всем тем, кто в той или иной степени помогал автору в процессе его работы над книгой.

Фотографии

Фрунзе начала 50-х годов.
Бульвар Дзержинского

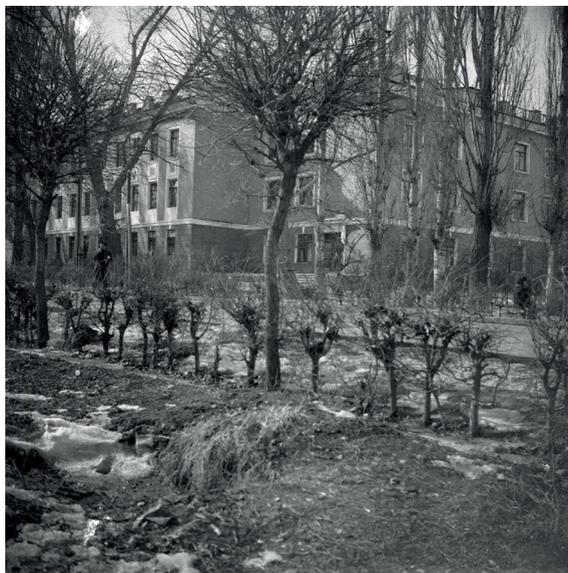
Бульвар на пересечении с улицей Сталина
(ныне проспект Чуй)

Регулировщик движения у кинотеатра «Ала-Тоо»

Красноармейская улица,
Киргизский женский педагогический институт им. В.В. Маяковского.
Здесь мы играли в лапту

Общежитие университета. Фото начала 50-х годов

Его современный вид

Улица Токтогула. Статистическое управление и магазин «Нан»

Вид на бульвар и магазин «Люкс» с улицы Токтогула

Комсомольское озеро. Фото 50-х годов

Здание средней школы № 6. Фото 1976 года

Евпраксия Павловна Масленникова с учениками. Фото 1954 года

Мefодий Игнатъевич Волобой с группой выпускников 1949 года.
В первом ряду второй справа – учитель физики Всеволод Леонидович Зубов.
Фото 1961 года.

Семья Манайкула Мураталиева
с родственниками. Фото 1956 года

Ребята из общежития и его окрестностей у входа в здание:
Файзрахман Исхаков, Юрий Дружинин, Алмабек Баимбеков,
Роберт Ахмеров, Владимир Прокопьев, Владимир Найдич,
Садырбек Шатемиров.
Фото Виктора Сухомлинов

Почетный академик Азиз Исажанович Нарынбаев на конференции молодых ученых Академии наук Киргизстана. Ноябрь 1984

Профессор Борис Михайлович Зима

Г.П. Грабовский - первый изобретатель электронного телевидения

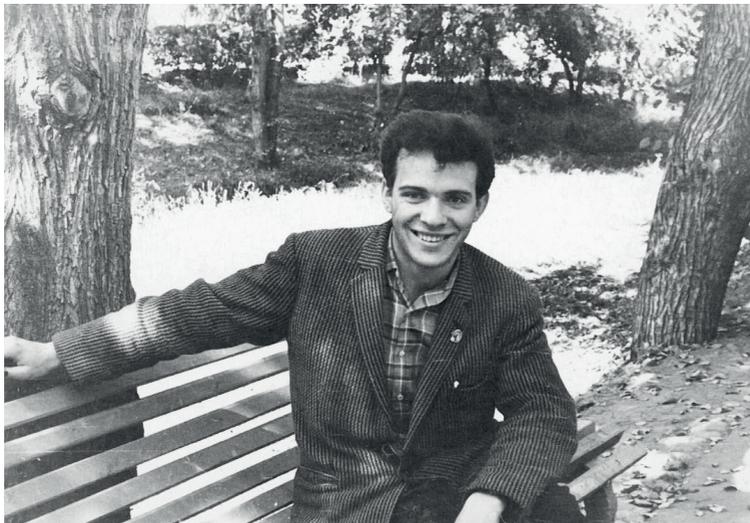
Владимир Александрович Хмелевский. Фронтовое фото 1942 года

Профессор Юдахин Константин Кузьмич со студентами

Александр Колодиров с народным писателем Кыргызстана
Аалы Токомбаевым

Андрей Кузнецов на бульваре около дома. Фото 1960 года

ОГЛАВЛЕНИЕ

От рецензента	3
Глава первая. ОБЩЕЖИТИЕ.....	5
С видом на бульвар. Но общий туалет – во дворе	5
Очереди за хлебом и казенные стулья	9
Ноев ковчег лихих 50-х	14
Часовые на вышках и статуя вождя с отбитым носом.....	21
Выстрел в ночи.....	26
Многодетные семьи	27
Правила хорошего тона	29
Уроки немецкого и боксерские перчатки	31
Спецпереселенцы, «космополиты», профессора.....	33
Делу время – потехе час	41
Детские шалости и проказы	50
Иван Романович, кочегар и оратор.....	55
И горести, и радости.....	56
Глава вторая. ГОРОД, ЛЮДИ	59
Наши академики ...и «примкнувший к ним» Шепилов	59
И не только ученые	62
«Слуги народа».....	73
Они нас учили	76
Одноклассники.....	82
В компании с Буратино и папой Карло.....	88
Слушаем радио.....	94
Судьбы моих ровесников.....	96
Это было недавно, это было давно.....	97
Литература.....	101
Благодарности	103
Фотографии	104

Научно-популярное издание

Андрей Георгиевич Кузнецов

заслуженный деятель культуры Кыргызской Республики,
кандидат философских наук, профессор КРСУ

**Дом на «Дзержинке», или
Общага для профессоров: было и такое**

Редактор *Н.В. Шумкина*

Компьютерная верстка *А. Рахмановой*

Дизайн обложки *А.А. Клочковой*

Подписано в печать 11.12.2019

Офсетная печать. Формат 60×84 ¹/₁₆

Объем 7,25 п. л. Тираж 100 экз. Заказ 24

Издательство КРСУ

720000, Бишкек, ул. Киевская, 44

Отпечатано в типографии КРСУ

720048, Бишкек, ул. Анкара, 2а